

Ольга Романовская

За гранью
грань

Грани-1

18+

Ольга Романовская
За гранью грань
Серия «Грани», книга 1
Серия «Пятьдесят оттенков магии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14127626

Романовская, Ольга. За гранью грань : [роман]: АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-094274-9

Аннотация

Дария дорого поплатилась за сострадание. Человек, которого она спасла от мучительной смерти, похитил ее и перенес в жестокий мир, где каждый пытается использовать девушку в своих интересах. Кого-то привлекает ее красота, кого-то – сила. Как Дарии разобраться, кто друг, а кто враг, истинна ли любовь и что делать с просыпающейся чувственностью?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	33
Глава 3	65
Глава 4	98
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Ольга Романовская

За гранью грань

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© О. Романовская, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

Светлые... Порой казалось, это ирония, злая усмешка судьбы. Не могут быть светлыми люди, подобные братьям. Может, я слишком чувствительна, может, глупа, но вид корчившихся на крюках темных не вызывал удовлетворения. Наоборот, я их жалела, что категорически запрещалось, особенно дочери такого важного человека, как магистр Лаур Онекс. Положение обязывало стоять в первых рядах и смотреть, поэтому я старалась уходить в горы в дни казней. Там хорошо, птицы, травы... А еще не слышно криков. Они разрывали душу на мелкие кусочки, заставляли закрывать уши, но и тогда в памяти долго звучала чья-то агония. Жуткий обычай! Какие бы злодейства ни совершили темные, никто не заслуживал такой смерти.

И ошейники... Механизмы боли, они истирали кожу до костей. Как целитель я ужасалась таким увечьям. На трупах – увы, долго темные в плену не жили. Почти все пленники пытались сбежать и погибали: охранные чары приводили в действие ошейник. Тот не только блокировал токи магии в теле, но и запускал в разум щупальца подчиняющих чар. С их помощью людей превращали в безвольных марионеток. Кто сопротивлялся, через пару минут корчился на полу в агонии. А вы говорите – светлые!

Порой я ненавидела и отца, и дядю Алева: именно он тво-

рил правосудие. Коренастый, с вечным мечом на бедре, тот не восседал в тронном зале: правитель окрестных земель, единственный магистр, сиятельный лорд и маг Высшего дома, он активно участвовал в охоте на темных. Такие, как Алев Онекс, не сидят дома, они любят войну и открытое небо над головой. Однако статус обязывал. Ох, лучше бы дядя не возвращался с поля боя! Алев Онекс приносил с собой кровь, пот и боль. Видимо, они крепко въелись в его сознание.

А еще дядя любил убивать и насаживать темных на крюки. Да, темные мечтали нас истребить, люто ненавидели, даже перед смертью посылая проклятия, но и мы ведь не лучше.

«Тебя всего шестнадцать, ты еще юна, многого не понимаешь», – повторял отец, когда я робко возражала против зверств. Возможно, поэтому чаще молчала и не вмешивалась. Старательно закрывала глаза на развлечения родных и старалась реже бывать в городе. Зато туда бегала сестра. Алексия три года назад окончила обучение и успела набраться опыта в боевых вылазках. Она не целитель, как я, а полноправная стихийница. Высокая, стройная, с вьющимися пшеничными волосами и изумительным голосом. Настоящая светлая, какими обычно нас рисует людское воображение. Мы похожи, только Алексия чуть выше и глаза зеленые, а не карие, как у меня и матери.

В детстве я могла часами смотреть, как сестра играет с ог-

нем. Он, будто пес, лизал руки и покорно принимал любую форму. Хотела сестра – перед ней дракон, хотела – огонь венчиком обнимет голову. Потом выяснилось, Алексия умеет не только развлекать младшую сестру, но и убивать. Отец как-то с гордостью обмолвился о сожженном замке темных. Я тогда убежала в слезах и долго не могла простить сестру. Умом понимала: темные – сплошь злодеи, но сердцем жалела. Там же женщины, дети... В ответ темные вырезали два города и соорудили запруды из человеческих тел. Даже в магическом зеркале смотрелось жутко, а ведь я привыкла к крови: нельзя целителю ее бояться. Вот и как после этого?..

В плен темные попадали редко: предпочитали смерть бесчестию. Добывали их обычно не в бою, а хитростью. Устраивали ловушки, вмешивались в сеть порталов, искажая настройки, чтобы те не сработали или выкинули не там. Брели не всех, а тех, кто мог рассказать нечто полезное. Пытали, однако темные стискивали зубы и смотрели так, будто собирались воскреснуть через пару минут и сторицей отплатить за «гостеприимство». Над ними издевались. Любой мог подойти, плюнуть, ударить, подразнить водой. Алексия же и вовсе приносила складное кресло и читала, пока темный не выпускал дух.

Каюсь, некоторых приговоренных я поила. Большого сделать не могла, прознали бы и наказали. Крадучись, будто вор, пробиралась на кухню, наполняла тыквенную флягу и несла во двор. Темные отказывались, и я влила влагу насильно,

частенько рискуя пальцами. Да что там пальцами – собственной жизнью! Проклятие – далеко не самое страшное, чем мог наградить маг, стоящий одной ногой в небытие. Спасали ошейники – страшное изобретение светлых. Все ими гордились, но я, лекарь, не могла восхищаться сломанными костями, выданным мясом и кровоподтеками.

В тот день я перебирала собранные накануне травы. Что-то нужно измельчить, что-то пустить на вытяжки, что-то повесить в темный угол. Холщовая котомка валялась на кровати, а сами травы лежали на столе, на чистом полотне.

Визит Алексии застал врасплох. Я полагала, она в городе, у подруги. Меня в Вердейл не тянуло: слишком шумно и грязно. Впрочем, не звали, знали: нелюдимая Дария испортит все веселье. И то правда, какой от меня прок девичьей компании? Там ведь о парнях да моде щебетали, а я в этом не разбиралась: нельзя племяннице магистра думать о пустяках, когда в лазарете раненые. Вот и развлекалась, пересказывая им последние новости, пока меняла повязки. Порой я завидовала беззаботным девушкам из Вердейла. Им не приходилось никому закрывать глаза. И не только темным – скольких светлых я проводила в последний путь! Что еще могла шестнадцатилетняя соплюшка? Я мечтала когда-нибудь победить смерть и сделать всех счастливыми. Когда-нибудь – это когда прекратится бесконечная война, в которой добро со злом сплелись в единый клубок.

– Дария! – Рука сестры легла на плечо, заставив вздрог-

нуть. – Пойдем со мной!

Алексия выглядела встревоженной и отчего-то отводила глаза. Судя по заляпанной грязью мужской одежде, сестра только что порталом вернулась с приграничья. Оно рядом, всего пара дней пути. В нашей части долины относительно тихо, но чем ближе к горам, тем опаснее.

Помолчав, сестра шикнула:

– Только никому не говори!

Заинтригованная, пообещала молчать. По настоянию Алексии прихватила сумку с набором целителя и поспешила в комнату сестры. Мы жили рядом, через короткий коридор. Мне досталась комнатуха с окнами на двор, Алексия устроилась в покоях тетюшки, сгинувшей на войне с темными. Эх, я бы оценила панораму на реку! Сестра же напрочь лишена романтики, даже старую резную мебель приказала выбросить и заказала новую, совсем простую. В спальне меня поджидал сюрприз: на полу лежал мужчина. Окровавленный, весь в грязи, в смиренном ошейнике, со связанными руками. Темный, тут даже думать не надо. На вид – лет сорок, может, чуть младше. Волосы каштановые, обожженные магией. Судя по сохранившимся прядям, некогда они отличались цветом спелой сливы. Глаза зеленые, но не как у Алексии, а темнее. Весь живот в крови, ткань прилипла к телу. Странно, что выжил, но, может, под одеждой не так страшно, как на вид. Правая кисть изрезана, левая неестественно согнута. Судя по всему, вдобавок сломаны ребра. На пальце

– кольцо. Значит, женат. Интересное кольцо, к слову, из белого золота с гравировкой. Снять бы, почитать. Темные для меня – непознанный мир, их обычаи только по книгам знаю, а тут такая возможность!

– Где ты его взяла? – Я перевела взгляд на Алексею.

Отец узнает – голову оторвет! Любимица любимицей, но протащить порталом темного в родовой замок!.. Ладно в темницу – в жилые покои! Узнаю сестру, такую бесшабашную магессу еще поискать. Недаром она заводила среди младшего поколения рода.

– В Сомнейской долине. – Алексия кинула на пол пыльную рубашку. Только сейчас заметила, сестра тоже ранена, но походный лекарь успел ее перевязать. – Сюда телепортом закинула. Он пощады попросил, пожалела.

Изумленно уставилась на темного. Они никогда не просили пощады!

– Я сама ушам не поверила, – устало улыбнулась Алексия и потянулась к кувшину с водой. – Обычный бой. наших шестеро, их трое. Этот, – она кивнула на темного, – храбро сражался, Гейла убил. Последний из своих остался. Я добить не смогла. Уже меч в живот вонзила, а он прохрипел: «Пощади!» Глянь, выживет ли. Если нет, ты знаешь, как безболезненно отправить в вечное плавание.

– А потом его куда? – Склонилась над раненым, сканируя ауру. – В рабы или в бордель продашь?

Да, есть в Вердейле подобное заведение. По слухам, там

практиковали разные извращения. Не светлые – обычные люди. Темные, к слову, подобные вещи тоже любили, даже превзошли всех. По слухам, попавшие к ним женщины частенько не доживали до утра, ведь ласковы навсеи – так официально называли темных – только с женами. Помимо них существуют наложницы – совместная собственность всех членов семьи. Жутко, одним словом.

– Наверное, себе оставлю, если отец не запретит... – Алексия кинула на пленника короткий задумчивый взгляд. – Он тихий, не дергался, когда ошейник надевала. А ведь они гордые.

Тоже верно. Странно все как-то, на ловушку похоже. Может, это лазутчик? Я присмотрелась к темному. Раньше не вглядывалась в лица навсеев, быстро поила и убегала. Тут уж не до любопытства, хотя птицы к нам попадали знатные: все занимали ключевые посты или хотя бы дослужились до офицерского звания. Разумеется, откровенничать они не желали и заканчивали дни на крюках. Вместе с кровью вытекала сила: другим способом из темных ее не забрать. Все равно бесчеловечно! Хотя темные поступали с нами намного хуже. Судя по обрывкам разговоров, им нравилось пытаться. Неважно кого: животных или людей.

Страшный жестокий мир! Даже не верилось, что за узкой полоской залива течет мирная жизнь, нет боли, крови, проклятий. Как бы я хотела улететь туда, но не могла. Светлая – это долг. Маги обязаны защищать людей, чтобы они мог-

ли беззаботно веселиться, любить, рожать детей. Много веков назад, еще со времен Великого исхода, мы обосновались здесь, на полоске суши между морем и горами, чтобы известить темное племя. И, кажется, преуспели: элементали утверждали, будто навсеев рождалось меньше. Проверить не могли: темные тщательно прятали детей, только духи воздуха их и видели.

Наверное, долгие годы борьбы ожесточили нас. Иначе откуда азартный блеск в глазах Алексии при известии об очередной вылазке навсеев? Откуда злость в отце, когда тот выплевывает ругань в глаза пленнику? И жажда крови, она тоже возникла не на пустом месте. Но я верю, когда-то все это закончится и элементали воздуха унесут нас на широких покрывалах за залив, к людям, которых мы так берегли.

Убрала руку и вздохнула. Плох. Смотрит затравленным взглядом. На дне зрачков плещется ненависть.

Страшно, будто кладешь голову в пасть горного льва!

Аура рваная. Внутренней силы много, но кровотечение с каждой минутой ослабляло темного и приближало смерть. Повезло, что Алексия неглубоко вонзила меч. А тут еще другие раны, ожоги.

– Я должна вас осмотреть, я не причиню зла, – вкрадчиво обратилась к навсею, надеясь достучаться до разума. Сомневаюсь, будто послушает, но врачебная этика требует. – Успокойтесь и не сопротивляйтесь.

Ресницы у навсея длинные, брови густые. Нет, Алексия

определенно пленника оставит, если тот выживет. Мощный, широкоплечий. Губы тонкие, подбородок квадратный – и с ямочкой. Едва заметной, но такой трогательной для убийцы. Кожа смуглая, оливковая, волосы с необычным отливом: хорошо видно у висков, где новые отросли. Глаза... Ой, да они с ободком! Только сейчас я заметила легкий ореол вокруг зрачка на тон темнее радужки.

– Дария! – сердито окликнула сестра. – Хватит пялиться, он мой!

Показалось или по лицу темного пробежала гримаса презрения?

– Мне не нужен любовник. – Чистая правда, мужчины – это по части Алексии. – Просто никогда навсея близко не видела. Подержи, пожалуйста, ему руки.

Смирный смирным, а подстраховаться надо. Главный враг любого мага – беспечность, а раненые в предсмертном броске способны положить пол-отряда.

– На нем ошейник, колдовать не сможет, – заверила Лангесия, но, тем не менее, ухватила темного за запястья.

Навсей скривился от боли и со злостью пробормотал: «Ланга!»

Мы для них ланги, они для нас навсеи.

Я достала ножницы и разрешила одежду темного. Пару минут молча разглядывала, гадая, стоит ли лечить. Алексия тоже смотрела, но с иными целями: оценивала тело. Цепкий взгляд ощупал каждый дюйм. Особенно Алексию волновало

то, что ниже пояса. Сестра томно вздыхала и, не будь меня, наверняка бы распустила руки. Я тоже мельком глянула на мужское достоинство и вернула белье на место. Повреждений нет, а прочее мне не нужно до свадьбы.

– Хорош, правда? – Алексия плотоядно облизнулась.

– Не знаю, – покраснела я.

– Да брось! – Сестра стянула с темного белье. – Глянь, какой ладный, красивый! – Пальцы неумной Алексии пробежались по добыче и отпустили. – Неужели не интересно? Штаны все равно нужно сжечь, – невинно вздохнула она и ловко испепелила одежду прямо на пленнике. – Рубашку тоже – лохмотья же.

Ткань вспыхнула, оставив навсея обнаженным. Вот зачем, спрашивается? Еще успеет развлечься. Им ведь отношения налаживать, а сестра с самого начала все испортила.

– Неинтересно! – огрызнулась я и напредила: – Он при смерти, а ты о содержимом штанов думаешь! Лучше помоги на кровать уложить. Или, как собаку, на полу держать станешь?

Алексия устыдилась и отвела взгляд.

Темный отчего-то смотрел на меня, нехорошо так смотрел. Будто это я его унизила! Даже обидно стало.

– Уйди, – попросила сестру, когда мы совместными усилиями устроили навсея на кровати. – Ты его нервидуешь да и меня сбиваешь.

– Позовешь! – Алексия неохотно удалилась.

Стоило захлопнуться двери, как я развила бурную деятельность. Разложила содержимое сумки на столике, нагрела воды, приготовила чистые бинты, освежила заклинания в голове. Темный то ли ворчал, то ли постанывал. Когда вновь склонилась над ним, заметила капельки пота у крыльев носа и плотно сжатые челюсти. Больно ему, очень больно, и не только телу – ауре.

– Верьте мне! – шепнула я и, помолчав, добавила: – Я не заберу силу.

После же... Вот недаром выставила Алексею, она бы руки оторвала. Любой бы на ее месте оторвал, но мне нужна помощь навсея, доступ к его магии. Без этого мне не вылечить ничего, кроме кожи.

Щелкнул ошейник. Какой он тяжелый и как холодит пальцы! Будто металла на морозе коснулась. Под ошейником гематома. Быстро свела ее, окутав горло темного зеленоватым облачком. Заодно навсей поймет, я лекарь, а не палач. Кажется, сообразил, или просто хитрый. Лежит, не двигается, подозрительно смотрит. А у меня пальцы дрожат. Ничего во мне, кроме целебной магии, нет, защититься в случае нападения не смогу. Метнется темный смазанной тенью, ударит ребром ладони по горлу – и все, мертва. Видела такое. Но темный не спешил нападать, наблюдал. Видимо, не считал достойной траты последних крупниц жизненных сил.

Немного успокоившись и убедив себя – ничего дурного, сняв ошейник, не сделала, приступила к лечению. Сначала

осторожно перевязала, затем вскинула руки и зажмурилась.

– Глупая ланга, – донесся сдавленный шепот раненого, – ты открылась!

Вздрогнула, сообразив, о чем он, но продолжила лечение. Краем глаза заметила черное облачко, однако заставила себя стоять, где стою. Он слаб, он не сумеет. А если да? Меня он не пожалеет: темным незнакомо это чувство.

Облачко развеялось, едва коснувшись пальцев. Навсей застонал и закатил глаза. Я же, унимая дрожь, погрузилась в ауру темного. Она оказалась вязкой и дырявой, только успевай штопать. Взмокнув, закатала рукава и чуть ли не легла на раненого. Пальцы искали прорывы и зашивали. Губы непрерывно бормотали десятки заклятий.

Прикосновение темного заставило дернуться и вернуться в вещественный мир. На память о невидимом щупальце осталась красноватая метка на щеке.

– Ты открылась! – с усмешкой повторил навсей. – Но ты не маг.

Вот так заявление! От возмущения даже о собственной ауре забыла, а зря, темный до нее таки добрался. Пока только исследовал и черпал силы, но лиха беда начало. Я же, парализованная, не могла двигаться. Тело отказывалось подчиняться, даже дышала по приказу навсея.

Думала, убьет – нет, отпустил, втянул то самое черное облачко – свою вторую половину. И сразу побледнел, захрипел. Спрашивается, зачем так надрывался? Повязка на жи-

воте тут же взбухла от крови, вправленный перелом заново вспучился обломками кости. Терпеливо вылечила все снова и поднесла к губам снотворное. Лучший союзник больного – отдых, но, мучаясь от боли, глаз не сомкнешь. Заодно во сне снова застегну ошейник, только бархотку проложу, чтобы уменьшить повреждения. Ток энергии она не изменит, а жизнь навсею облегчит.

Однако до сих пор качает! Никогда в меня еще не забирался чужой. У нас нет второй половины, так **называемым** на-ре, мы не вмешиваемся в естественный ход вещей, поэтому без щитов беспомощны перед темными.

Навсей лежал пластом. Глаза закатились, дышал поверхностно. Преодолев дурноту, положила ладонь на чужую грудь, выравнивая сердцебиение. Навсей глухо застонал и ответил мне помутневшим взглядом. Нет, так дело не пойдет, я не для того тебя лечила, чтобы ты умер!

– Зачем? – глухим шепотом спросил темный.

Лоб вспотел, жилы на шее взбухли, а повязка на животе поалела. Плохо, очень плохо! Нагнувшись, фактически обняла навсея, вместе с ним дрожа от жара. Поневоле принялась: пот, гарь, вереск.

– Это я вас должна спросить: «Зачем?» – пробормотала с укором, укачивая, как ребенка. Маленькая я – такого большого его. – Ну не смог бы ваш на-ре меня подчинить или убить, только зря себя мучаете. Умереть хотите?

Злость ушла с лица темного, ее сменили растерянность и

усталость. Неужели тоже открылся, неужели убрал колючки? Наверняка понял, что я делаю: забираю часть испорченной энергии, заменяя чистой, свежей. После такого тошнит, а если переборщишь – сляжешь. Но иного способа спасти навсея нет, умер бы, лечи я его обычными средствами.

– Хочу, – согласился темный и облизал пересохшие губы.

Рука дрогнула, пальцы сжались – судорога. Тихо, тихо, сейчас сниму!

Ранения в живот – самые страшные, хуже только в бедро и в горло. Да, именно в брюшную полость, а не в грудь: грозят множественными внутренними кровоизлияниями и разрывами кучи органов. Повезло, что Алексия не проткнула насквозь. А ведь у навсея и другие повреждения имеются, те же магические.

– Тогда пощады зачем просили?

Удивленно уставилась в зеленые глаза с болотным ободком. Какие же у него длинные ресницы! Густые, иссиня-черные, даже завидно. Понятно, почему сестра, вопреки правилам, принесла, только жалко мне навсея. Это не тот народ, чтобы смириться, стерпеть, подчиниться. Значит, впреди унижения и наказания. Себе забрать? Сестра ведь навсея к близости принуждать станет, знаю, какими средствами это делают. Откуда? Лекарь же, в четырнадцать лет пришлось, преодолевая дурноту, читать рецепты. Фу, противно!

Может, действительно забрать? Спокойно выздоровеет, разговорить сумею, опять же жизнь спасу. Останавливали

две вещи: гнев Алексии и опыты мэтра Дорна. Учитель замучает несчастного, проверяя, как сворачивается кровь, заживают раны, восприимчив ли навсей к разного рода заклинаниям и ядам. Спасибо не препарирует!

Темный промолчал и отвернулся. Неужели Алексия солгала? Или сказал в минуту слабости, а теперь сожалеет?

– Дышать легче? – переложив темного на подушки, заботливо поинтересовалась я.

– Да, – сдавленно ответил он, изловчившись, приподнял голову и требовательно спросил: – Зачем возишься? Ланге нужна игрушка?

Щеки зарделись.

– Не тебе ведь.

Показалось, или по губам навсея мелькнула усмешка?

Вздрогнула, когда его пальцы отыскивали мои. Темный держал слабо, но руки не вырывала, словно загипнотизированная, смотрела на черные вены под кожей. Неужели скончается? Умиравшие часто просят подержать их за руку.

Поддавшись минутному порыву, провела ладонью над пальцами, убирая порезы.

– Глупая ланга! – уже устало повторил навсей. – Наклонись и не двигайся.

Что он задумал? Нахмурившись, осталась сидеть, как была, но темный настойчиво повторил просьбу.

– Ланга боится меня? – На пороге смерти, а все туда же! – Я слаб, ты же видишь.

И я рискнула, наклонилась, чтобы утонуть в черном облаке на-ре. Теперь меня ощупывали, вернее, не меня, а мое сознание. Щекотно! Я не сопротивлялась: понимала, зачем это навсею, поэтому обошлось без боли. Наконец темный закончил и втянул тень обратно. Его трясло; навсей не скрывал стонов. Казалось бы, мелочь, но показательно: мне можно видеть его слабость. Хотя, не спорю, случаются моменты, когда уже не в силах терпеть. Те, во дворе, тоже кричали.

Видимо, доза снотворного оказалась мала, если не действует.

Челюсти навсея пришлось разжимать: их свело судорогой. Зато лекарства проглотил сам: и снотворное, и обезболивающее.

Ресницы дрогнули, с них упала слезинка – побочный эффект боли.

– Ничего, все будет хорошо, – ободряла я и взяла с туалетного столика Алексии ножницы, чтобы подрезать обожженные пряди.

Навсей что-то невнятно пробормотал и заснул. С облегчением вздохнула и занялась прической темного. Помыть бы его нормально, переодеть. Нужно попросить у старшей горничной чистую ночную рубашку и сиделку найти, чтобы мыла, кормила, горшок выносила.

В дверь робко постучались.

Вздрогнула и испуганно покосилась на спящего навсея. Найдет дядя, отец, двоюродные братья – убьют ведь, а я

грешным делом успела привязаться. Интересно было бы расспросить о разных вещах, да и жалко его. Наступил на горло собственной гордости и получил наказание хуже смерти. Пленных надлежит уважать, пусть даже окружающие считают иначе.

– Это я, – донесся через дверь приглушенный голос Алексии.

Щелкнул замок, и сестра вошла. Метнула быстрый взгляд сначала на меня, потом на навсея и отчего-то нахмурилась.

– Он мой, – четко обозначила свои права Алексия. – Рано тебе.

Только сейчас поняла, чем вызвала праведный гнев: поспешила подстричь волосы. Ну Алексия, ну сестричка! Тебе ли не знать, что я с парнями даже не целуюсь, а ты решила, будто любовника заведу. Нет, кому рассказать – лишиться девственности с пленным навсеем! Представила и едва не умерла от смеха.

– Твой, даже не обсуждается.

Алексия кивнула. Мышцы лица расслабились, но ненадолго.

– Идиотка малолетняя! – всплеснула руками сестра, заметив валявшийся на полу ошейник.

Густо покраснела, не находя слов оправдания. А сестра бесновалась, читая лекцию на тему безопасности.

Ошейник вновь сдавил горло навсея. Алексия не пощадила беднягу, установила максимальный контроль, а меня вы-

толкала взащей, обозвав безмозглой девчонкой.

* * *

Навсей медленно, но верно шел на поправку. Я регулярно проводывала его, к неудовольствию отца, который полагал – место темного за десятью замками под охраной магов-сихийников. Алексии пришлось выдержать нешуточный бой за право оставить себе раба. Разумеется, она ни словом не обмолвилась о постельных планах: любовника-темного отец бы убил. Он и на слугу-то смотрел с подозрением, лично проверил ошейник и выставил кучу ограничений. К примеру, как только верхняя серебряная полоса на ошейнике начнет светиться, сигнализируя о возросшей силе навсея, мне запретят к нему ходить, а самого навсея подвергнут неприятной процедуре частичного лишения дара. Проводить ее могут только магистры, и то собравшись все разом.

Двоюродные братья оказались догадливей отца и быстро поняли, каковы планы Алексии. Они подначивали ее разными пошлыми шуточками, советовали не вестись на «смазливое личико, скрывающее гнилое нутро», а если уж так хочется именно конкретного мужчину, провести ритуал отъема силы. Не знаю почему, но Алексия не согласилась, хотя тогда навсей стал бы абсолютно безопасен. Она и влечение к нему отрицала, будто не пожирала темного глазами. Дошло до того, что Алексия попросила освидетельствовать пленни-

ка на предмет мужской силы. Смутившись, попыталась отказать и получила отповедь: это тоже вопрос здоровья. В итоге, сгорая от стыда, откинула одеяло и глянула на место ниже живота. Навсей находился в сознании, все видел и слышал, но ничем, кроме брезгливой гримасы, недовольства не выказал.

На картинках детородный орган выглядел иначе. Во-первых, сверху он зарос волосами – жесткими, черными. Во-вторых, яички я представляла несколько меньше и уж никак не в виде мохнатых шариков. В-третьих, сам орган заканчивался... Словом, неприлично заканчивался, вызывая алел. И мне предстояло его щупать. М-да!

Видя мое смущение, сестра усмехнулась:

– В первый раз видишь? А еще лекарь! Хочешь, покажу, что где?

Промолчала и, вздохнув, положила ладонь на основание органа, и не просто так, а особым образом – пальцами вниз. В итоге накрыла примерно две трети. Большой, но в книгах пишут, бывает больше. Напряженный. Не член – живот у навсея. Опасается за мужскую честь? Ох, я гораздо больше боюсь, пальцы дрожат, едва-едва касаюсь. Эх, надо было у трупа потрогать, когда мэтр Дорн предлагал. А я стушевалась. Зато теперь как маков цвет. Ладно, представлю, будто это нога. Если не смотреть, а только щупать, выдержу. Нет, надо смотреть, иначе кожных заболеваний не замечу.

Ох, узнает матушка – уши надерет! Несовершеннолетняя

девица щупает половозрелого голого мужчину за интимное место! Мама и так не одобряла тесное общение с большими противоположного пола, а тут и вовсе темный – существо в высшей степени порочное, наверное, поэтому и привлекательное. Для сестры. А мне – интересное с научной точки зрения.

– Ну? – поторопила Алексия. – Повреждения есть? Болел чем-нибудь?

Вздыхнула и, выбросив из головы посторонние мысли, занялась осмотром. На вид – здоровый, по ауре тоже. Глянула украдкой на лицо темного и обомлела: ему приятно! Тут же отдернула руку, вспомнив об особенностях мужского организма. К счастью, обошлось без демонстрации боевого состояния, но все равно неприятно. Будто темный – животное.

Затем мы осторожно перевернули навсея на бок: на живот нельзя. Темный уже не молчал, а проклинал, шипел, но Алексия с помощью ошейника контролировала все действия. Я лекарь, мне сказали освидетельствовать, я и смотрю. Все.

– Здоровый, – помыв руки, сообщила результаты.

На сестру старалась не смотреть: стыдно. И перед навсеем тоже, я ведь его как бычка-производителя... Зато теперь точно знаю, никогда больше подобный осмотр не повторю.

Алексия просияла, навсей, кажется, выругался. Я бы тоже не обрадовалась. Темный, навсей... Как его зовут-то?

– Геральт, – с готовностью сообщила сестра. – Фамилии,

происхождения не сказал.

– Алексия, у него жена, дети, наверное. – Ничего не могла с собой поделать, мысль о дальнейшем использовании темного вызывала брезгливое отторжение. И это моя сестра! – Оставь его в покое, давай я тебе травяной чай пропишу? Успокоишься, потом встретишь достойного человека, и все случится.

– У меня давно случилось, – с гордостью сообщила Алексия. – И да, я его хочу. Хочу, Дария, могу сто раз повторить, не ханжа.

Скривилась. С мужем можно, с женихом тоже, но чтобы потом свадьба, а тут бордель! Неужели Алексия такая распущенная? Как темная. Навсеи развратны, любят грязь, извращения, даже гаремы заводят, где делают с девицами то, после чего людям в глаза не взглянешь. Но сестра-то девушка порядочная, светлая, умная, воспитанная – и вдруг заводит раба-любовника. Не понимаю! Чем может мужское достоинство привлекать? На вид будто личинка.

– Надо же, не одобряешь! – Геральт с интересом посматривал на меня. – Светлая до мозга костей.

Он выплюнул это как оскорбление. Промолчала и под надуманным предлогом ушла. Больше я в комнату навсея – поселили его на служебном этаже, прямо под покоем сестры, – не входила. Слышала, будто Алексия действительно с Геральтом спала, но сестра взрослая, я ей не указ. Если уж отец и дядя не возражают, все в порядке. Видимо, я слишком

мала, не понимаю. Пару раз порывалась спросить у матери, но не решалась. В книгах же ответа не нашла, там только процесс описывался. Коротко, но хватило, чтобы укрепиться во мнении о гадливости подобного занятия без любви. С ней – другое дело, и не больно, и, наверное, не о слизныке между мужских ног думаешь. Во всяком случае, кузина заверяла, неприятных ощущений не испытывала, наоборот, очень хорошо.

Дни тянулись буднично. Я привыкла. Может, кто-то и считает, будто светлые целыми сутками танцуют, поют и веселятся, но это не так. У нас ведь фактически форт, замок, даже стены приучают к суровости. Вердейл тоже небольшой, ничем особым похвастаться не может. Обычный такой провинциальный городок с ярмаркой по воскресеньям. Собственно, туда я и направилась: хотела прикупить лент для рукоделия, полакомиться леденцовыми петушками, попробовать себя в людских забавах. Тут мне даже хитрить не надо: не смогу ни волну на воде поймать, ни канат невидимой нитью к столбу привязать. Местные жители это знали, поэтому охотно брали в команды. Других магов не жаловали: жульничали.

В честь ярмарки город украсился бумажными фонариками: синими, желтыми, красными. Окна радовали глаз гирляндами искусственных цветов. Живыми, сотворенными магами, розами оплетали легкие арки из лозы. Влюбленные

парочки охотно целовались под ними, не боясь косых взглядов.

Надев яркое платье с лимонным пояском, выпорхнула за ворота. Одна, без подруг, без Алексии. Не до меня теперь сестре, у нее же навсей. Ума не приложу, как она его заставила, сломила. Темные гордые, не иначе зельем опоила. Зато к завтраку Алексия выходила с неизменной довольной улыбкой.

Погода стояла чудная. Припекало солнышко, пели птицы – лето, одним словом. Я не торопилась, спускаясь в город. Да и при всем желании не получится: лекарь – персона известная, каждый встречный поздоровается, доброго утра пожелает и совета спросит. Я терпеливо отвечала, хотя и не считала себя великим целителем. Вот мэтр Дорн – он да, и на войне был, и от холеры людей спасал, а я так, ученица. Подумаешь, лазарет, сращенные кости и прочие мелочи! Когда все под рукой, каждый сможет. Только тяжело, быстро устает, повозившись даже с одним. А каково с десятками? Но ничего, с годами стану сильнее.

Вердейл сразу подхватил в объятия, унес вместе с людским потоком к площади. Я не противилась: затем и пришла, чтобы на горожан посмотреть, последние сплетни послушать.

А вот и шатры актеров. Не удержавшись, свернула к ним, поглазеть на ряженных. Разыгрывали традиционную для здешних мест комедию об отце, не желавшем благословлять

брак влюбленных. Но те не сдавались, не накладывали на себя руки, а шли к намеченной цели. По традиции, актеры надевали гротескные маски и соревновались друг с другом в яркости костюмов. Хохотала, наблюдая за проделками переодетого нотариусом жениха. Комедиант так потешно хмурился и строил рожи.

– Дария?

Вздрогнула и обернулась на голос. За спиной стоял человек в сером плаще. Несмотря на жаркий день, незнакомец не спешил разоблачаться, наоборот, кутался в ткань, будто мерз. Нахмурилась. Странно это. Наши от людей не хоронятся, а тут словно наемный убийца. Сердце екнуло. Рука нащупала и сжала призывный медальон.

– Не надо, – в голосе сквозила усмешка, – я не причину зла. Пока не причину, – подчеркнул незнакомец и предложил: – Прогуляемся?

По этим словам, тембру голоса, прорвавшемуся сквозь звуковую иллюзию, догадалась, кто передо мной. Испуганно огляделась, гадая, стоит ли прямо сейчас затеряться в толпе или остаться и узнать, что же потребовалось Геральту. Ума не приложу, как он выбрался за ворота! Пленных из замка не выпускают, внешний контур замкнут, ошейник непременно среагирует.

– Не привлекай внимания, – посоветовал Геральт и протянул за руку.

Испуганно отшатнулась и тут же оказалась тесно прижа-

та к темному. От него разлило кровью – запах резко ударил в нос, будто бы вскрылись раны. Но нет, готова поклясться, Геральт пышет здоровьем. Неужели кого-то убил? Но ошейник?.. Будто в продолжение моих мыслей, темный наклонился и потребовал снять символ рабства.

Замычала, замотала головой. Палец Геральта надавил на губу, и навсей настойчиво повторил просьбу. Вокруг люди, шумный праздник, а ему плевать. Где же стражники, почему они не спешат водворить беглого на место?

– Хорошо, – прошипел Геральт, убедившись, что я не намерена помогать, – сделаем после. Магия иссякнет, лишившись подпитки.

Темный убрал ладонь ото рта и потащил прочь, к берегу, уступами спускавшемуся к заливу. Я всячески сопротивлялась, в ужасе сообразив, что не могу кричать. Совсем! Горло будто льдом сковало.

Светлые верили, ошейник полностью блокирует магию навсеев, причиняя нестерпимую боль при попытке потянуться к источнику, а темный спокойно колдовал. Как? Когда? Я ничего не почувствовала и не заметила.

За меня попытался заступиться какой-то парень, но навсей только взглянул, и горожанин поспешил пройти мимо. Остальным же и дела не было. Все так же взрывались хохотом зрители комедии, кричали разносчики кренделей, стремились переиграть друг друга дуделки и рожки. Шум и суeta ярмарки сыграли на руку темному, и он беспрепятственно

выбрался из города.

Мы свернули с дороги и направлялись напрямиком к морю, куда бы не долетели отголоски веселья.

Осознав, что сопротивление бесполезно, покорно плелась за навсеем. В конце концов, это территория светлых, ничего плохого не случится, скоро подоспеют сестра, братья. Каких-то пара минут: я успела дернуть за медальон. Геральта скрутят и жестоко накажут. Представляю, как разъярятся отец и дядя, какую взбучку устроят Алексии! И поделом, старые правила недаром писаны. Не приводи врага в дом.

– На-ре, – снисходительно улыбаясь, произнес Геральт. Будто бы это что-то проясняло! – Ты маленькая, глупая, позволила установить связь. Теперь я могу пользоваться чужой энергией за неимением доступа к своей.

Замотала головой, прислушиваясь к собственным ощущениям. Да ну, бред какой-то! Невозможно не чувствовать чужого присутствия, значит, навсей блефует. Высказала все ему в лицо. Геральт сипло рассмеялся и, обжигая дыханием, прошептал:

– Стыдно жить невеждой! Может, до твоей энергии я и не добрался, зато забираю все то, что отдают тебе. Все эти колечки, медальончики и прочее, они ведь не для красоты. Так папочка и мамочка защищают дочурку, позволяют колдовать, черпая энергию из общего магического поля. Ты дала ключик к бесконечному источнику. Тяжело жить за счет чужой энергии, но мы это исправим, верно?

Остановившись, он ухватил за подбородок и вновь погладил большим пальцем по губам. Странное ощущение: немного щекотно и будто жгучим перцем по коже прошлись. Не противно, хотя должно быть. Широко распахнув глаза, я смотрела на Геральта, а он странно улыбался из-под капюшона. Готова поклясться, глаза у него светились, как у кошки.

– Нравятся ошейники? – Пальцы навсея легли на шею, заставив сжаться. Неужели задушит? – Светлые девочки с грязными мыслями!

Темные они и есть темные! Пошлые, мерзкие и... как оказалось, непредсказуемые.

Геральт сдавил горло и отпустил, чтобы крепко зафиксировать запястья и выкрикнуть непонятное слово, напоминавшее гортанный сигнал к атаке. Воздух сгустился и защищал кожу, как случилось, когда братья залезали в энергетическое хранилище. В него «загружали» свободную энергию, в том числе забранную у пленников. Любой член семьи в трудную минуту мог ею воспользоваться.

Виски сжало железным обручем. Мне стало плохо, так плохо, что подкосились ноги и я рухнула на землю. Тело сотрясали судороги.

Геральт навис надо мной, как жрец над жертвой, только ножа не хватало, и глумливо улыбался. Контуры навсея начали расплываться. От него отделилось на-ре, та самая вторая сущность, питающаяся чужой магией, и накрыла меня.

Тело пронзили невидимые иглы, кости сдавила небывалая сила. Я не могла пошевелиться, даже толком дышать. Зрение медленно гасло, и вот на смену дню пришла тьма. Потом пропал слух. Последним ушло осязание, унося в безвременье. Наверное, я умерла – глупо, бесславно, сгорев от забранной Геральтом из хранилища силы. Ее оказалось слишком много: навсей использовал меня в качестве проводника.

Последней мыслью стало воспоминание о родителях и Алексии. Несмотря на все разногласия, я их любила.

Глава 2

Очнулась от холода. Сначала решила, будто попала в загробный мир, тот самый легендарный, в который никто на словах не верил, но все внутри боялись, но потом сообразила: души ничего не чувствуют. Значит, жива. Или мы ничего не знаем о мироздании.

Тело ломило, ладони горели, тяжелые веки не желали разлипаться.

С трудом пошевелила пальцами. Кажется, подо мной камень. Гладкий камень. А еще какая-то жесткая ткань. Странно, берег не скалистый, а уж ковро – та ткань, безусловно, ковер с коротким ворсом, – на улице точно не откуда взяться. В замке тоже нет подобных вещей. Где же я тогда?

Преодолев боль, разлепила глаза. Оказалось, я лежу на лестнице. И не обычной, деревянной, а мраморной. Подо мной действительно ковер – практически гладкий, зеленый. Чтобы не сползал, он крепился к лестнице специальными бронзовыми штырями, продетыми через парные кольца, ввинченные в камень. Рядом с левой рукой как раз такое кольцо.

Дуло от окна. Оно распахнуто настежь. Что за ним, не видела, только слышала: пели птицы, шелестела листва.

Взгляд выхватил странную деревянную решетку под окном. Она скрывала странный короб, от которого разбегались

по стене и уходили в пол не менее странные трубы. По виду на водопровод похоже, но зачем на лестнице водопровод?

Попыталась сесть. Это далось с трудом и не с первого раза. Потирая виски, раздираемые страшной головной болью, прислонилась к металлическим перилам.

Итак, внизу – межэтажная лестничная площадка. Наверху, кажется, еще одна. Всего пролетов восемь, значит, в доме четыре этажа. Не замок, но и не особняк. В Вердейле нет домов выше трех этажей: слишком дорого. Значит, я попала за море. Но откуда тогда цветочки на потолке – живописная гирлянда на бежевом фоне. Никогда таких не видела. И стены не каменные, не панелями облицованы, а цветные, бежевые. Кажется, штукатурка. Определенно, в людских землях так не строят. Тогда где я? У темных? Тем более нет. Они живут в угрюмых замках, а тут в окно целый отряд без труда влезет. И стекла такие огромные, прозрачные. У нас переплеты мелкие, мир через них видится в сиреновом цвете: стекла искажают свет из-за примеси марганца.

Оглядела себя: вдруг тоже изменилась? Вроде нет, только руки в синяках, а платье порвано и в грязи. Оставалось только гадать, где навсей и что он со мной сделал.

– Очнулась?

Вздрогнула и вцепилась в перила. Пошарила рукой на груди и обомлела. Медальон, его нет!

– Добро пожаловать! – с издевкой приветствовал Геральт. Судя по всему, он стоял этажом выше.

– Куда? – испуганно поинтересовалась я и задрала голову. Нет, не видно.

– Ко мне домой. Тебе понравится, обещаю.

От глумливого «обещаю» жить расхотелось.

Геральт спускался медленно, видимо, чтобы нагнать еще большего страха, но достиг иного эффекта: недоумения. Даже ущипнула себя, чтобы понять, не сплю ли. Просто выглядел темный в высшей степени непривычно. Обут в подобие обрезанных по голени сапог на шнуровке. Начищенные до блеска, из гладкой черной кожи, они отражали солнечные блики. Несомненно, не работа людских кустарей! Выше шли штаны из серого тонкого материала с продольной складкой. Хоть и свободные, они идеально сидели по фигуре. У пояса – два прорезных кармана. Сквозь специальные полоски ткани продернут ремень с простенькой пряжкой. Никаких волчьих голов – полукружье металла и язычок. В штаны заправлена рубашка с кармашком. Вместо шнуровки пуговицы до ремня. Такие мелкие, что невольно пожалела мастериц, которые шили чудо-рубашку. Но это еще что – на манжетах поблескивали странные украшения, походившие на зажимы, только золотые, с камушками.

– Ну, чего уставилась? – невежливо прервал осмотр на-всей.

Внешность его тоже претерпела изменения: побрился, постригся, избавился от «синяков» под глазами. А еще от Геральта приятно пахло. Чем, понять не могла, пестрая смесь

ароматов. Работа парфюмера, а не вытяжка вереска или ириса. Странно, я полагала, мужчины не душатся.

– Аа-а, – с ленцой протянул Геральт, окинув презрительным взглядом, – вы ж до сих пор в бредни верите. Навсеи, замки, казематы, хлев... Увы, дорогая, мы живем совсем не там и совсем не так. Ланги, они такие наивные и отсталые, до сих пор паровое отопление не изобрели.

– Что? – недоуменно переспросила я, окончательно перестав что-либо понимать.

Ошейник, кстати, Геральт снял, вместо него темнела повязка.

– Ничего! – передразнил темный и встал напротив меня. От его взгляда стало не по себе: будто сначала одежду снял, а потом и плоть до костей. – Юбку задери.

– Зачем? – На всякий случай прижала платье к коленям.

– Хочу посмотреть, не кривые ли ноги. Давай, или сделаю сам, – мрачно поторопил он.

Разумеется, и не подумала подчиниться. Тогда навсей со смешком ухватил за талию, задрал юбки и ощупал бедра. Я попыталась извернуться, дать ему коленом, но в итоге оказалась прижатой к перилам. Голова опасно запрокинулась, грозя падением.

– Ну, отпустить тебя?

Геральт поднял, как котенка. Ноги болтались над пустотой. Посмотрев вниз, поняла: упаду – разобьюсь. Внизу мозаичный каменный пол, а лететь два с половиной этажа.

Потолки в доме высокие, шансов выжить мало. Даже если вдруг, останусь калекой.

– Нет, – сдавленно пробормотала я и взмолилась: – Пощадите!

– Уже пощадил, раз здесь. – Темный поставил обратно на ступеньку. – Сестренке не повезло, а вот ты счастливица.

– Алексия, она где?

Догадываюсь, что мертва.

На глаза навернулись слезы. Почему я не стихийница? Тогда призвала бы силу и расправилась с напыщенным навсем.

– Ублажает всех желающих, – равнодушно ответил Геральт. – Для иных целей непригодна.

– А я? – пискнула, не узнав собственного голоса.

Перед глазами вставали кошмары. О развлечениях навсеев ходили жуткие байки, это хуже пыток.

– Посмотрим. – Геральт знакомым жестом коснулся губ. – В любом случае оставлю себе. Дальше только от тебя зависит. Можешь остаться игрушкой, можешь подняться до наложницы. Пока же тебя учить и учить.

– Чему учить и чем наложница лучше игрушки? – пока я не видела разницы.

– Узнаешь, – напустил туману навсей. – Наложницы детей рожают – почетная и важная миссия. Думаю, справишься. Здоровая, на мордочку симпатичная, покладистая. Сколько твой отец убил? Столько и родишь.

– Я не смогу столько! – ужаснулась незавидной перспективе.

Действительно, не смогу, даже если каждый год. Это же сотни! Ну, полсотни точно. Я же от силы двадцать **за сто лет** выношу, и то если организм справится. Вопреки всеобщему мнению, частые беременности не полезны.

– Значит, сколько сможешь, – равнодушно ответил Геральт и подчеркнул, видимо, желая, чтобы прониклась благодарностью: – Хоть и забрал ради детей, до совершеннолетия обожду. Но только с ними.

От намек, таившегося за этими словами, стало не по себе. Навсей между тем хлопнул в ладоши и велел кому-то вымыть и переодеть меня.

– Учить начну вечером, – предупредил темный.

Он глянул так, что поняла – вечер вряд ли переживу. В зеленых глазах плескались презрение и ненависть. Одно сжигало, другая замораживала. Оставалось только гадать, почему меня не убили во время перехода, не выпили всю жизнь и силу без остатка.

Волновала судьба сестры. Видимо, навсей хитростью заставил ослабить действие ошейника или... Закрыла лицо руками и завывала. Я сама виновата! Пожалела, проложила ткань – и убила сестру. Только сдается, погибла не только она.

– Страшно, ланга? – Геральт упивался моими терзаниями.

Похоже, он передумал уходить. Как же, такое представление! Рука с перстнем-печаткой потянулась к щеке. Отшатну-

лась, но темный все равно ухватил за лицо и заставил смотреть в глаза. Нервно сглотнула, приготовившись к боли, однако ее не последовало. Навсей просто смотрел, гипнотизируя ледяными глазами. Мнимое спокойствие: видела, как дергается жилка на шее, как заострились скулы. Я сейчас олицетворяла всех светлых и, похоже, отвечу за погибших темных на нашем дворе.

– Симпатичная мордашка! – Губы Геральта скривились в усмешке. – Напомни, сколько тебе лет?

– Шестнадцать. – Слова застревали в горле.

– Люблю девочек! – бархатным баритоном мурлыкнул навсей. – У них нежные цветочки, одно удовольствие срывать. Тебе тоже понравится, жалостливая ланга. Только благодаря сочувствию и жива. – Темный отпустил, и я с облегчением перевела дух. Пусть ненадолго, но все же. – Но пальчики хорошо помню.

Плохо. За простыми словами скрывалась угроза, не оставлявшая сомнений в сути будущих развлечений. Ох, какие после этого дети? Живой бы остаться!

Пока Геральт занимался запугиванием, к нам незаметно подошла служанка в синем платье и белом переднике, лежавшем странными четкими складками. Волосы гладко зачесаны на затылок и собраны в пучок. У нас так не ходят. И губы не красят. Юбка не до полу, до лодыжек, из-под подола выглядывают тонкие, явно не шерстяные чулочки и туфельки с пряжками. Странная мода. Наши женщины носят платья

свободного края на шнуровке, тут же все по фигуре, как застегивается, непонятно.

– Вот, – ткнул в меня пальцем темный.

Служанка стрельнула глазами. Показалось или у нее с хозяином что-то есть? Ну да, навсей же, они неразборчивы в любовных связях. Наморщив носик, горничная презрительно выпятила нижнюю губу. Видимо, по ее мнению, я нечто жалкое и кошмарное.

– Сможешь привести в порядок?

Позабыв о страхе, обиженно фыркнула. Да, платье порвала, испачкала, но не уродина же! И неприлично, между прочим, обсуждать человека в его присутствии.

– Какие-нибудь особые пожелания?

Служанка достала из-под передника скрепленные тончайшей проволокой листы бумаги, в осьмушку обычного листа, и кусочек дерева, на поверку оказавшийся пишущим грифелем.

– Пока нет. Вымыть, переодеть, причесать и привести к ужину. Можешь рассказать, куда она попала, а то дуреха не сообразила.

Горничная присела в реверансе и кивнула мне:

– Идемте, госпожа!

Опасливо косясь на скалившегося Геральта, которого, несомненно, забавляло происходящее, поплелась за служанкой наверх.

Ой, а на этажной площадке окно витражное! Не удержав-

шись, подошла, чтобы лучше рассмотреть рисунок: венок из роз. Служанка терпеливо ждала, со скучающим видом взирая на потолок.

— Это загородный дом... — Горничная осеклась, видимо, не зная, можно ли называть фамилию и титул, — ...его сиятельству, в общем, — нашлась она. — Тут парк красивый, погуляете. Дальше леса, где его сиятельство охотится. До города тоже недалеко, верхами к ночи добраться можно. Почтовый двор в Миредене, захотите письмецо родным отправить — через конюха нашего можно, только разрешения у его сиятельства спросите.

Час от часу не легче! Какой парк, какой почтовый двор, какие леса для охоты? Навсей — граф?! Это загородный дом? Разве темные не в родовых замках живут? Ничего не понимаю. Тут все другое, настолько другое, что даже у людских магов нет, тех, которые за заливом живут.

И парк чудной. Из окна видела ровные дорожки, стриженные деревья и кусты, а еще разные беседки, фонтаны. И все тянулось насколько хватало глаз. На горизонте никаких башен, все мирно, буднично. Дом опять-таки никак не защищен. Такой любой отряд захватит за полчаса.

— Потом посмотрите, госпожа.

Похоже, горничной надоело ждать, и она потянула меня за рукав.

Комната оказалась шикарной. Стены обиты тканью в цветочек, светло, уютно, а на стене — картины. У нас вешали

портреты, тут – разные виды и жанровые сценки. К примеру, река с водяной мельницей и мальчик с собакой. Пол не каменный, деревянный, мебель – легкая, ажурная. Мне, привыкшей к прямым линиям, казались в диковинку все эти завитки и разноцветные вставки. Раскрыв рот, смотрела на кровать под пологом. На такой только принцессе спать! Покрывало шелковое, тоже с цветочками, на столбиках – фигурки детей.

Для чего шкафчик с мелкими ящиками и столешницей – не поняла. Горничная назвала его бюро. Потом сообразила: на нем пишут. Хихикнув, служанка показала занятное перо – трубочку, заключенную в футляр из ясеня. Она смотрела на меня как на несмышленного ребенка, значит, все эти вещи привычны для мира навсеев. Если так, вынуждена признать – они намного умнее.

– А где же замок его сиятельства? – воспользовавшись доброжелательностью горничной, продолжила расспросы.

– Какой замок? – нахмурилась та. – Нет у него никакого замка. Поместье и городской дом есть, замка точно нет.

Ничего не понимаю! Светлые ведь взрывали именно замки темных. Конечно! На меня в который раз снизошло озарение. Мы в другом мире, том мире, где темные живут, в нашем же только воюют. Понять бы зачем. Если так, я попала сюда через очень сложный портал. Он стационарный, а не самодельный, наверняка занимает целую комнату, как в святилищах. У Геральта с ним связь на уровне крови, иначе без

настройки через миры не прыгнешь.

Сколько же еще тайн хранят навсеи? Оказалось, немало. И мыслились они не в корыте, а в специальном бассейне, и слуги воду не носили, даже не грели магией, а просто поворачивали нужный рычажок.

От скорбных мыслей о горестной судьбе Алексии да и своей собственной тоже отвлекли баночки на полочках – разнообразные эфирные масла и странные субстанции, дававшие приятную пахучую пену.

Для мытья мне выдали не ветошь, а кусок прессованных водорослей, которые горничная назвала мочалкой. Хотя мыло оказалось знакомым, лавандовым. С удовольствием намылилась, окунулась в теплую воду... и разрыдалась. До этого внутренние переживания сдерживало любопытство, а теперь они вырвались наружу.

Алексия, бедная Алексия! Жива ли она еще, можно ли ей помочь? Вдруг, если разрешу Геральту творить разные непотребства, он сохранит сестре жизнь? Усмехнулась. Дурочка, он и так будет делать, далось навсею твое согласие! И сам, и с друзьями – или как там у темных принято? Одна надежда, Геральту нужны дети, и он не станет пытаться. Ничего, потерплю.

Снова всплыли в памяти скупые строки фолианта: «Темные столь безнравственны, желания их столь низменны, что невозможно представить. Они связывают пленниц и вступают с ними в близость всеми противными природе способа-

ми. Поговаривают, навсеев возбуждает вид крови, но, так или иначе, женщины после близости не способны двигаться». Скоро я во всех подробностях узнаю все эти способы. Надеюсь, умру быстро. Пусть уж лучше сразу сильное кровотечение, чем мучения до рассвета.

Горестные мысли прервало покашливание служанки. Она принесла полотенце и чистую одежду. Взглянув на нее, пришла в замешательство. Как это надеть? Ничего знакомого.

– Или вам пеньюар подать? – щебетала горничная.

– Пень... что? Нет, не надо!

Мало ли что за зверь такой.

В итоге меня одевала служанка, попутно называя предметы одежды. Сначала панталоны – нечто вроде нашего нижнего белья, только тоньше, длиннее и кружевом отделано. Потом корсет – конструкция из ткани, шнуровки и зашитых в ткань металлических пластин, которая утягивала талию, выпрямляла спину и приподнимала грудь, выставляя добрую половину на всеобщее обозрение. Затем чулки – тончайшие, шелковые, крепившиеся с помощью завязочек и крючочков к специальному поясу, выглядевшему крайне развратно: одно кружево. Далее – нижняя юбка из батиста, которую, казалось, поставь – будет стоять. Горничная обмолвилась – она крахмаленная. И, наконец, голубое платье точно по фигуре с полукруглым вырезом и хвостом из складок на попе. По словам служанки, последняя мода. В качестве обуви выдали туфельки на среднем каблучке. Они оказались не в пример

удобнее тех, в которых некогда танцевала на балах.

– Женские дни у вас когда? – без стеснения поинтересовалась горничная, зачесывая волосы на затылке. Похоже, распущенные тут не носят, а обязательно скрепляют шпильками и разными заколками. На моей голове и вовсе соорудили «ракушку».

Покраснела и промолчала.

– Мне нужно знать, когда вам пакетики принести, – настаивала служанка. – Опять-таки его сиятельство спросит. В такие дни на обычном белье спать нельзя, да и может не захотеть его сиятельство пачкаться, другую наложницу выберет.

– То есть она у него не одна? А как ее сиятельство относится к такому... гарему?

Даже прислуга в курсе, что я не гостья, а постельное развлечение. Теперь понятно, отчего горничная свысока смотрела. Мерзко-то как!

– Не знаю, – пожала плечами служанка. – По-разному, когда больше, когда меньше. Ее сиятельство подобные пустяки не волнуют. Вы ведь ланга, поэтому не понимаете. – Девушка снисходительно растянула губы в подобии улыбки. – Это у вас жена для детей и попыхтеть под одеялом, а у нас жена может в спальню ни разу не пустить, если супруг не достоин. И ни полслова муж возразить не может.

Ну и мир! Пока я решительно ничего не понимаю. Видимо, у навсеев общество иначе устроено. Жены детей не рожают, мужья первую ночь вымаливают и кучу наложниц имеют.

Но как послушать, это мы ущербные, а не темные. Серые, отсталые, достойные жалости.

— Ужин подают в восемь, — поставила в известность горничная.

А сейчас сколько? Солнца не видно, а без него время не определить. Оказалось, можно: навсеи умели изготавливать крошечные часы, только не с одной стрелкой, как у нас, а с двумя. Первая, короткая и толстая, показывала часы, вторая, длинная, — минуты. До восьми еще целых три часа.

Из комнаты меня не выпускали, заперли, поэтому вынужденно осматривала свои хоромы. Спальня, гардеробная, ванная. И везде — непонятные штучки. Дерни — откроется, поверни — потечет вода или нагреется металлическая пластина за деревянной решеткой — близняшка той, которую видела на лестнице. Теперь-то поняла, она обогревала жилище. И никаких каминов, печей!

Гардеробная оказалась пуста, только сиротливо висело коротенькое платье с запахом из атласа длиной по колено. Неужели и такое тут носят? Держалось оно за счет пояска.

Ни одной книги, даже пялец нет. Оставалось только смотреть в окно на ряды стриженных кустов и лабиринт аллей. Повторюсь, я не стихийница, а лекарь, то есть максимум огонь в камине зажечь умею. С такими способностями не сбежишь.

Время тянулось мучительно медленно, поэтому обрадовалась, когда в замке заворочался ключ и вернулась горничная.

— Его сиятельство приказали перед ужином надеть, — она

протянула мне сверток. – Категорично приказали.

– То есть? – не поняла я.

– То есть проверит, – равнодушно ответила служанка и неожиданно снизошла до совета: – Вы не противьтесь, его сиятельство наиграется – потом дети пойдут, вздохнете с облегчением.

– С чего ты взяла, будто он?.. – Густо покраснела.

Дожила, прислуга обсуждает со мной же, как меня станут насиловать!

– Наложница ведь, – пожала плечами горничная. – Странно, – вслух рассуждала она, – его сиятельство взял в наложницы лангу. С ними обычно расправа недолгая. В любом случае, жизнь лучше смерти, госпожа, – подмигнула служанка и будничным тоном, будто речь шла о покупке мяса на рынке, доложила: – Его сиятельство велел передать – ваша сестра мертва.

Последняя надежда рухнула. Я упала на кровать и заревела. Так и пролежала оставшиеся два часа, оплакивая Алексию. Даже сверток не развернула. Плевать, что в нем, пусть навсей наказывает, хоть до смерти забьет.

Вновь заслышав скрежет ключа, даже не вздрогнула. Служанка несколько раз окликнула – головы не повернула. Так и лежала в обнимку с подушкой.

– Ну вот, всю прическу растрепали, глаза красные! – укоризненно причитала горничная.

Во мне зрела злость. По какому праву эта навсейка смеет

меня трогать, надсмехаться, указывать? Кто она? Служанка? Так пусть и ведет себя соответственно. Откинула волосы с лица, села и велела мерзавке убираться вон.

– Может, я и наложница, но ты все равно прислуга.

– Я ваша горничная, госпожа Дария, – ничуть не смутилась нахалка и протянула носовой платок. Тоже необычный, как и все в этом мире, – кипенно-белый, с дорогушим кружевом по краям. У нас такие на свадьбу шили в качестве приданого. – Его сиятельство просил вас опекать.

– То есть шпионить? – сникла я.

– Лечить, помогать, одевать, отвечать на вопросы. Вы ту вещь надели? – служанка ткнула пальцем в сверток.

Мотнула головой и, вспомнив об Алексии, снова уткнулась в подушку. Прежде бы ужаснулась обмолвленному вскользь «лечить», а теперь все равно.

Зашуршала бумага, и рядом со мной легло что-то темное. Любопытство взяло вверх, и я глянула на содержимое свертка – конструкцию из двух ремешков. Верхний расстегивался, а нижний крепился к нему заклепками. Отдаленно похоже на уздечку.

– Это вместо панталон, – услужливо подсказала горничная и тактично предложила: – Я отвернусь, а вы наденьте.

Я – это? Щеки залились румянцем румянцев, вспомнился утренний разговор, когда Геральт тащил к берегу: «Нравятся ошейники?» Вот и расплата за горло навсея. Если узнает хоть кто-то – проклянут, из рода вычеркнут. Гадость, непо-

требство, пусть сам такое носит! Распалившись, швырнула конструкцию на пол.

– Его сиятельство проверит, – напомнила горничная. – Господин очень не любит, когда не выполняют его распоряжения.

Я не пошевелилась, сгорая от возмущения и стыда. Предложить надеть подобную вещь девушке – непростительное оскорбление. Воистину, навсеи – извращенцы! Это не «пояс верности», это пояс похоти!

– Кожа мягкая, тонкой выделки, – уговаривала навсейка, любовно поглаживая предмет местного дамского туалета. – Не натрет, зато так возбуждает!

– Что делает? – не поняла я.

Меня одарили изумленным взглядом, каким смотрят на того, кто не умеет ходить.

– Как вы, бедные, размножаетесь-то и удовольствие получаете? – сочувственно вздохнула горничная, но тему замяла.

Я перевела дух, позволила себя умыть и заново причесать. Только расслабилась рано: служанка задрала юбки и насильно сдернула панталоны, даже вскрикнуть не успела. Попыталась вырвать белье из рук мерзавки, та только заученно повторяла: «Не могу отдать до утра, госпожа», – а потом и вовсе ушла. Вместе с панталонами!

Выбор невелик: либо без белья вовсе, либо с поясом шлюхи. Подумав немного, обреченно позволила ремешкам коснуться нежной кожи. Они сразу впились между ягодиц да и в

другом месте терли. При движении ремешки ерзали, давили между ног, вызывая странные ощущения. А еще они не полностью скрывали «срамное место». Я пробовала так и эдак – бесполезно. Сзади и вовсе будто голая.

– Ну, готова? – Дверь распахнулась, и на пороге возник Геральт.

Он успел переодеться и теперь красовался зеленой рубашкой и светлыми штанами прежнего кроя. В наглухо застегнутом вороте блестела большая булавка с яшмой. Навсей окинул пунцовую меня пристальным взглядом. Следующий приказ поверг в оцепенение:

– Юбки задери!

Кажется, краснеть дальше некуда, но я покраснела, даже язык отнялся.

Геральт, выждав для порядка, шагнул и безжалостно обнажил развратную вещицу. По губам навсея скользнула улыбка. Он погладил по попке и отодвинул ремешок между ног, чтобы коснуться пальцем нежного местечка. Вздвизгнув, встрепенулась и ударила навсея по лодыжке. Тот зашипел, но палец убрал и вернул ремень на место.

– Долго придется учить, – констатировал Геральт. – Начнем со стеснительности. Пошли есть.

Что я могла? Покорно поплелась за мучителем, тайком поправляя ерзавший ремешок. Кожа под ним горела, только странно, не от боли. А еще там отчего-то стало влажно. Одним словом – срам! А навсей наслаждался. Довольная улыбка

ка не сходила с лица.

– Нравится ошейничек? – Он неожиданно остановился и обхватил за талию.

От близости Геральта и сознания того, что навсей может взять силой в любой момент, стало страшно. Даже приятный запах, исходивший от темного, не успокаивал, наоборот, заставлял брыкаться.

– Дергаться будешь, когда насажу! – рыкнул навсей. – Запомни, здесь ты не дочка магистра Онекса, а пленная ланга. Наверное, понимаешь, как сильно мы вас любим?

Кивнула и сглотнула, встретившись с полными ненависти глазами Геральта. Точно так же он смотрел, когда я пришла его лечить. За доброту навсей оплатит кровью и унижением. Мелькнула мысль: наверное, Алексия издевалась? Как иначе она принудила спать с собой – только разными зельями. Мужчина желал телом, но не головой. Еще один повод для ненависти.

Пальцы навсея разжались, и я с облегчением отпрянула. Сердце колотилось в горле, кончики пальцев онемели.

– А ты знаешь, что вовсе не светлая, ланга? – огорошил Геральт.

Взгляд его вновь стал холодным и чуть насмешливым. Приступ ярости прошел.

– А вы не темный? – с сомнением переспросила я.

К чему он клонит? Лихорадочно припомнила историю семьи и мотнула головой. Нет, мать родила меня от отца, тут

и сомневаться не в чем. В роду у нас никто на той стороне не бывал, а те, кого насиловали темные, не возвращались. Мертвые навеки оставались в подземельях и на полях сражений. Мы до сих пор чтим память двоюродной бабки, которую, как Алексею, пустили по кругу. Раненую, прямо на горе трупов. Во всяком случае, так гласила легенда. Тетка же сложила голову в горах. Сражалась достойно, умерла с честью.

Геральт рассмеялся и непривычно ласковым жестом коснулся подбородка.

– Нет, милая, я темный. И то, чего ты так боишься, у меня есть. Мы обязательно все попробуем, медленно, не торопясь. Понравились трусики?

Мотнула головой. Жар снова прилил к щекам. Обсуждать подобные вещи не хотелось, но навсей не желал сменить тему. Как ему объяснить, что женщине не пристало даже подруге говорить о сношениях? Пусть их поэтично называли актами любви, по мне – от перемены слов смысл не меняется.

– Так почему не нравятся, ланга? – Геральт ухватил за подбородок, заставив смотреть себе в глаза. – Ответишь – вспомню, как тебя зовут.

– Они... они ничего не скрывают, – пролепетала я.

Навсей стоял так близко, что ощущала жар его тела. Меня колотило от ужаса и стеснения. Кажется, Геральт заметил и по-хозяйски обвил рукой за талию, тесно-тесно прижав к надушенной рубашке. Горячий пряный аромат против воли проникал в ноздри, заполнял сознание. У нас мужчины не

душились. Ох, кажется, мне от этого запаха под юбками жарко.

– Ты стесняешься собственного тела? – удивился Геральт. – И чужого тоже, – с усмешкой припомнил он лечение, заставив прокусить губу от стыда. – Наверняка никогда себя не ласкала и не рассматривала.

Не врут фолианты, темные поголовно извращенцы! Какая приличная девушка станет заниматься подобными вещами?! Я лекарь, приблизительно знаю, какое оно и где, и то по описаниям: картинки фривольного содержания только для борделей рисуют – и довольно. Ласкают и рассматривают мужчины.

– Да-а, долго придется тебя учить! – разочарованно протянул навсей. Очевидно, он рассчитывал на девушку, подобную Алексии. – Хотя бы возбудилась? Дай-ка проверю. Если холодная по этой части, даже связываться не стану.

Сердце ухнуло в пятки. То есть он сейчас снова засунет палец туда и, если чего-то не найдет, убьет. Вседержители, как бы возбуждение симитировать?!

Стойко стерпела поползновение Геральта между ног, только дыхание задержала, когда ремешок отодвинул. Палец погладил кожу и вынырнул из-под юбок. Навсей с глубокомысленным видом рассмотрел его и показал мне. Ничего необычно, просто чуть влажный. Гораздо интереснее печатка с графской короной. Раньше ее не было, точно помню. Значит, действительно граф, а от нас скрывал. Еще бы, его

допрашивали бы тогда, дядя всю душу вытряс. Так же – пощада и Алексия.

Не дождавшись реакции, навсей вытер руку о штаны.

– Ладно, пошли есть. После пойдем ко мне заниматься. Предохраняться умеешь или врача позвать, чтобы средство подобрал?

Вседержители, да что за мир-то такой, если грязное белье на всеобщее обозрение выставляют? Разумеется, я знала пару средств, но... Объяснять темному ничего не стала: не поймет – и кивнула. Тот удовлетворенно кивнул и чинно подставил локоть, будто только что не вел себя как последний завсегдатай борделя. Я даже не поверила, покосилась исподлобья и получила в ответ улыбку. Не оскал, не ухмылку, а выражение человеческой доброжелательности.

– Не веришь, Дария? – вкрадчиво поинтересовался навсей и успокаивающе погладил по руке. – Видишь, слово я держу, у тебя теперь есть имя. Немало, правда?

Стиснула губы и напомнила:

– Вы убили мою сестру.

Геральт прищурился и положил мою ладонь на локоть. Пришлось сжать и вообразить себя принцессой, попавшей в плен к злому колдуну. Так чинно только на балах вышагивали, а тут по лестнице.

Внутри царила мешанина чувств. С одной стороны, страшно, с другой, обуревала злость на навсея, с третьей – любопытно. Мир темных казался сошедшим с книжных

страниц, в нем воплотились мечты об удобстве и уюте. Надо признать, загородный дом Геральта обставлен со вкусом, а парк легко затмит королевский. Я, правда, никогда за заливом не бывала, сужу с чужих слов.

– Тебе напомнить, что делала твоя сестра? – склонившись к самому уху, шепнул навсей. Дыхание обжигало холодом. – Ты, между прочим, принимала участие в забавах. Наверняка зелье варила для сестричкиного счастья.

Вспомнилась сцена осмотра, жадный взгляд Алексии, с которым та взидала на мужское достоинство темного, его рапы и мой палец между ягодиц. Навсей запомнил, хотя я действительно только смотрела. Темные ведь гордые, а тут такое унижение. За это, видимо, и расплачиваюсь. Но почему в его доме? Гораздо проще развлечься в нашем мире. Словом, куча вопросов без ответов, и два самых главных: почему Геральт в свое время попросил пощады и что намерен со мной делать?

– Нет! – с возмущением выпалила я, представив, чем занималась Алексия на кухне. – Это противно природе.

Геральт в который раз удивил:

– Знаю. На-ре побывало в твоём разуме. Только отвращение к желаниям сестры и спасло, – задумчиво протянул навсей, замерев на ступеньке. Я едва не полетела вниз, лишь локоть Геральта уберёг от падения. – Но с ошейником ты сглупила. Если бы не слабость, убил бы. Разум нужно беречь, ланга.

Больше мы на эту тему не говорили. Более того, навсей одарил вниманием, сделал своеобразный комплимент: «Платье чрезвычайно идет к твоим зареванным глазам».

Столовая располагалась на первом этаже. По дороге успела свернуть шею, рассматривая лепнину холла, резьбу дверей и узор паркета. Немудрено, что днем я замерзла: лестница из чистого мрамора, белого, с темными прожилками. Слуги такие важные. Женщины все как моя горничная, кланяются, приседают перед Геральтом, мужчины в странной одинаковой одежде из облегающих брюк цвета палой листвы и «хвостатых» тесных куртках поверх белых рубашек.

— Это лакеи, — лениво пояснил навсей, кивнув на одного из слуг. — На них ливрея, форма такая. Верх — сюртук, низ — лосины. На ногах — туфли. Экскурс в одежду продолжить или горничную попытаешь?

Подумала и попросила рассказать. Вроде образованная, как-никак дочь магистра, а ощущаю себя полной дурой. Никаких сюртуков и лосин у нас и в помине нет, лакеев тоже. Геральт скорчил страдальческое лицо и обогатил запас знаний брюками, ботинками, запонками, зажимом для галстука и прочими диковинками. Не стесняясь, доходчиво разобрал мой наряд. Спасибо не показал.

И тут в мозгу кольнуло: я тут слушаю, раскрыв рот, доверчиво смотрю на темного, а сестра мертва. Даже не так: как можно оставаться настолько равнодушной к гибели близкого человека, спокойно сидеть с вероятным убийцей и обсуж-

дать с ним туфли? Я ведь любила Алексею, а забыла за пять минут! Правильно навсей пощадил, нашел бесчувственную пару.

По щеке сползла слезинка. Отвернулась и тихо расплакалась. Диковинный мир будто полинял, утратил привлекательность.

– Оставьте меня в покое! Я не хочу есть, – замотала головой и попыталась спрятаться за лестницей.

Куда там! Навсей отловил, клещами вцепился в руку.

– Пустите! – отчаянно замолотила кулачками по груди. – Алексия... Вы убили Алексею!

Геральт встряхнул и, не обращая внимания на протесты и барабанившие по спине кулачки, потащил через анфиладу комнат.

– Какие ж вы, ланги, дуры! Одни постоянно ревут, другие мнят себя вершительницами правосудия. Умная бы глазки строила, лучше устроиться хотела, а ты!..

– А я не навсейка, чтобы под мужиком о смерти близких забыть.

Не знаю, что нашло, но ответила зло, с вызовом. И Геральту понравилось! Даже отпустил. Отправила смятую одежду и гордо подняла подбородок. Ноги под юбками тряслись, но темному не видно, пусть думает, будто я сильная.

– Я никак себя с вами вести не собираюсь.

Нужно еще что-то сказать, обидное. Или пригрозить местью за гибель Алексии, но подходящие слова не находились.

Стояла и молчала, а минуты уходили. Теперь уж лучше молчать, глупо придумывать реплики после разговора.

Навсей посоветовал оставить мораль и терзания в Мире воды.

– Или на место Алексии хочешь?

Замотала головой и, вновь став покорной, поплелась в столовую.

Эх, будь в моей крови магия!..

Столовая превзошла самые смелые ожидания: огромная, белая, мраморная, с камином и мозаичными вставками панно. Стыдно, но сестра вновь из головы вылетела. Мое «Ах!» позабавило не только хозяина, но и слуг. А посуда! Серебро, фарфор! Даже трогать страшно.

– Прошу! – Геральт отодвинул стул с лировидной спинкой. – О еде не беспокойся, за тебя выберу я. В Мире воды так не готовят.

Мир воды – так вот как называют Умерру навсеи.

– Где мы? – Спрашивать так спрашивать, пока Геральт добрый. Кто знает, каким он станет вечером, когда начнет учить.

– В Веосе. Королевство такое. Или ты мир имела в виду? Вот его не назову.

– Потому что светлая? – без труда назвала причину отказа.

Логично. Вдруг сбегу, расскажу своим, и благоденствию Веоса придет конец. Хотя странно, конечно, отчего у навсеев с детьми проблемы, если тут тишь да благодать. Физиоло-

гия? Однако тот же Геральт здоров, не бесплоден. Неужели жен завоевать не могут? По рассказам горничной, те независимы и капризны. Опять не сходится. Есть же наложницы, те точно отказать не могут. Однако факт остается фактом: темные превыше всего ценили потомство.

– Ты не светлая, Дария. – Вино заструилось по стенкам бокала. Один мне, другой – хозяину дома. – Ты ланга. Светлых в Мира воды нет, вы их всех истребили.

Окаменела. Нет, это неправда, навсей лжет!

– Вы серые, – с напором повторил Геральт и насильно вложил в руку фужер, – а не светлые. Те тихие, безобидные и наивные. Это их сгубило. Они спасли лангов от навсеев, совместно выгнали из Мира воды, ненадолго, правда, и пали жертвой вероломства. Если все еще сомневаешься, светлая ли, вспомни крюки во дворе. Как, по-твоему, могут ли слугители добра так казнить даже злейших врагов?

Вздыхнула и низко опустила голову. С этим не поспоришь. Методы зверские, дикие, но не верилось, будто мы не светлые.

– Газета, ваше сиятельство. – Лакей протянул Геральту поднос с прошитыми листами. Приглядевшись, увидела рисунки и странные буквы, выведенные удивительно ровным рубленным почерком чернилами черного цвета. – Что-нибудь еще?

– Заказ уже доставили? – Навсей отчего-то покосился на меня.

– Да, ваше сиятельство.

– Отнеси ко мне в спальню, потом разберусь. Больше ничего, можно подавать первую перемену.

Лакей кивнул и с гордым видом удалился. Геральт же, отпив из бокала, углубился в чтение. Шелестя страницами, он то хмурился, то хмыкал.

Медленными глотками пила вино и разглядывала газету. Чем больше смотрела, тем больше убеждалась – она не рукописная. Каким же способом тогда сделали картинки, написали текст, да еще на столь тонких листах? Жаль, ничего прочесть не могла: языка не понимаю. А ведь мы с темными на одном говорим.

– Совсем забыл! – Заметив мои мучения, Геральт на минутку отвлекся и окутал знакомым облачком на-ре. – Не убью, – успокоил он, – только заклинание наложу, пока наш язык не выучишь. Он древнее вашего. Пока же будешь читать моими глазами. Разумеется, – подчеркнул навсей, – пока разрешу. А разрешу всего на один вечер.

И тут превосходство! А ведь Умерра, она же Мир воды, возникла безумно давно. Видимо, недостаточно, судя по уровню развития Веоса.

Черная тень схлынула, ушла обратно в навсея, и набор символов в один миг превратился в слова. Статьи пестрили скандалами, светскими новостями, заметками о новых законах и прочем.

– Ее величество опять больна, – сокрушенно пробормо-

тал навсей, показав портрет горделивой брюнетки в диадеме на первой странице. – Третий раз за месяц. Тебе не кажется подозрительным, Дария?

Неразборчиво промычала в ответ. Я в первый раз слышу о королеве, а тут меня о ее здоровье спрашивают. Пусть я целитель, но не заочный же!

– А мне кажется, – покачал головой Геральт. Здоровье монархини его не на шутку тревожило. – Кто-то жаждет ее смерти. Врачи разводят руками, а королева болеет все чаще. Ты задавай вопросы, – встрепенулся от собственных раздумий навсей, – потом некогда будет. Да и ротик другим займешь.

Темный чувственно облизнулся и заложил палец за пояс брюк, поглаживая ремень. Догадалась, он намекал на что-то неприличное. Краснеть уже устала: вино помогло немного расслабиться, хотя Алексия до сих пор не шла из головы. Воспользовалась щедрым предложением и спросила, как Геральта зовут на самом деле, кто он, женат ли, на каком положении тут я.

– Символ брака видишь? – Под нос подсунули знакомое кольцо с гравировкой. – Женат. Ты – наложница, то есть женщина, удовлетворяющая потребности тела и обеспечивающая продолжение рода младшими детьми, если таковые потребуются. Старших, тех, к кому переходит титул и закрепленное место при дворе, рождает жена. Разумеется, если пожелает. Предваряя вопросы: да, у меня есть сын. Фамилию

не назову, имя настоящее. По титулу – граф. А теперь раздевайся.

– Что?! – ошарашенно выпалила я.

– Раздевайся, Дария, – нетерпеливо повторил навсей. – Разрешаю оставить чулки и трусики. Одеться разрешу, когда перестанешь смущаться. Учеба началась, дорогая, – глумливо подмигнул он и откинулся на спинку стула, сложив руки на груди. – Если разденешься, погуляешь со мной по парку. Одета. Не станешь – изнасилую в присутствии слуг. Выбери!

Вседержители, куда я попала? Жуткий темный, ни стыда, ни совести, ни сострадания!

– Это не шутка, Дария, – нахмурился навсей, встал и демонстративно потянулся к ширинке.

Пискнула и попыталась нащупать крючки на платье.

Раздевалась, вперив взгляд в пол. Кажется, Геральт сел обратно, повязал салфетку. Я же мучилась с крючками. Наконец платье с тихим шелестом упало на пол. Дальше нижняя юбка, но ведь под ней... Вздохнула и решила сначала оголиться сверху.

Снимать юбку, прикрывая грудь, оказалось сложно, но я справилась и, краснее зари, осталась стоять в чем мать родила: не считать же кожаную сбрую одеждой? Навсей довольно улыбался и внимательно рассматривал добычу. Она, то есть я, покрылась «гусиной кожей», сгорбилась, сжала бедра и прикрыла ладонками, что могла. Потом, догадавшись, се-

ла и постелила на колени салфетку. Уфф, внизу теперь ничего не видно, освободившейся рукой можно есть, вот только кусок в горло не лез.

– Тебе не нравится собственное тело? – поднял бровь навсей. – Упругая девичья грудь, идеально лежащаяся в ладони, крутые бедра с чудесной гладкой попкой, курчавый мысок, скрывающий...

– Не надо! – выпалила я и, позабыв о наготы, потянулась за вином: очень выпить хотелось.

Щеки горели. Я боялась оторвать взор от скатерти.

– Или тебе формы не нравятся? – не унимался бесстыдник. – Какие бы ты хотела? Запомни, Дария, – нахмурился он, мигом растеряв игривость, – не оденешься, пока не перестанешь краснеть и прикрываться.

Но как можно не стыдиться, если он смотрит, и слуги, те, которые грязные тарелки уносят и чистые приносят, с любопытством разглядывают? Видимо, придется просидеть голой до утра. Пробовала есть, не обращать внимания – никак.

Не знаю, сколько длилась бы пытка, если бы ни появление лакея. Тот с важным видом склонился перед Геральтом и протянул поднос с запиской. Вскинув бровь, навсей пробежал ее глазами и, кинув салфетку на стол, встал.

– Можешь одеться, – обернулся в дверях крайне озабоченный темный. – Перед сном возьмешь зеркало и внимательно себя рассмотришь. Завтра продолжим. Раз у лангов все запущено, оголишь за завтраком только грудь. Но условие дру-

гое: прикроешься ладошками, исполнишь любое желание.

После внимание уделили слугам. Геральт велел оседлать коня и не перестилать постель: ночевать дома он не собирался.

– Вас ждать к завтраку, ваше сиятельство? – вежливо осведомился лакей.

Он все еще стоял, ожидая распоряжений.

– Пожалуй, – задумавшись, ответил навсей.

Бросив на меня короткий пристальный взгляд, Геральт ушел. Я же совершила непростительный поступок: вместо того чтобы одеться, прокралась к окну, чтобы посмотреть, действительно ли он уехал. Благо слуги ушли и в столовой никого не осталось. Ускакал – ураганом пронесся по главной аллее. Значит, срочное дело, ради иных посреди ужина не срываются. Хорошо бы оно задержало навсея минимум на неделю!

Глава 3

Утром Геральт не вернулся. Почему знаю? Завтракала без него. Что радует – в столовой, а не в спальне и в одежде. Панталоны мне безропотно вернули и принесли еще пять штук таких же. Бесстыжую конструкцию с чистой совестью выбросила в окно. Опасалась, найдут и отругают – нет, будто так и надо.

Горничная сменилась, из чего сделала вывод: вчерашняя не просто прислуга, а в некотором роде наставница. Очевидно, в ее задачу входило подготовить меня к развлечениям навсея.

За завтраком познакомилась с экономкой Геральта Свей-на, пятого графа Местрийского – так официально именовали навсея. Нет, слуги ничего не говорили, темный вышколил строго, но выдало письмо, которое принес посыльный, по счастливой случайности говоривший на понятном языке, пусть и с сильным акцентом. От него и услышала имя адресата, то есть Геральта. Титул и добавка «пятый» ввели в состояние задумчивости. У нас бы написали: «Магистру Онексу»: дар ценился выше статуса барона или герцога. А тут все наоборот, я оказалась в доме знатного потомственного аристократа, который, несомненно, хороший волшебник, но отчего-то об этом ни слова не говорят.

Мысли о магии натолкнули на воспоминание о портале.

Раз навсея нет дома, нужно обследовать комнаты и попробовать выбраться отсюда.

Искоса взглянула на сотрапезницу – ту самую экономку. Ее осанке позавидовала бы принцесса. Строгое черное платье с воротником-стойкой, скромная брошь на груди. Волосы собраны в пучок. На лице – выражение отстраненности. Еще не старая, но по морщинкам у рта видно – давно не девушка. Темная шатенка, как и навсей. Предполагаю, блондинов у них просто нет. Символично: навсеи темные во всем. Экономка мне не мешала, не проронила ни слова. Прекрасно, можно спокойно осуществить желаемое.

Из-за стола встала первой и обмерла, когда экономка, промокнув губы салфеткой, поднялась следом. Сейчас начнется! Нет, оказалось, дело в этикете. Стоило испуганно сесть обратно, как экономка сделала то же самое, допила чашечку кофе и спросила, может ли она идти. Признаться, опешила. Я ведь вещь для ублажения навсея, а не гостья или хозяйка. Или чего-то не понимаю?

– Вы наложница его сиятельства, – снизошла до объяснения строгая дама, – хранительница его семени и мать будущих детей, поэтому в дни отсутствия его сиятельства считаетесь малой хозяйкой.

Поперхнулась от столь нескромного титула и густо покраснела. Хранить то самое я не собиралась, а экономка убеждена, будто у нас с Геральтом все случилось. Насколько понимаю, без ... эмм... Словом, без кое-чего девушка женой

не становится, как я – малой хозяйкой. Предположения подтвердились: экономка вежливо осведомилась, не болит ли где. Ответила отрицательно и во второй раз встала. За мной никто не увязался, зато степень свободы определила быстро: в парк не пустили. Категорично, но вежливо. На фоне этого развязность горничной показалась вдвойне подозрительной. Однозначно, она не просто служанка, раз все остальные так милы.

Комнаты навсея поражали роскошью и невиданными предметами. Разглядывая мебель, сплошь мягкую, поневоле соглашалась с мнением Геральта об отсталости Мира воды. Почти нет магии, но все так продумано, что локти от зависти кусаешь. Наша гостиная по сравнению с гостиными (да, их несколько) навсея казалась пережитком давнего прошлого – мрачная, огромная и пустая. И диван там лишь условно мягкий – скамейка с тюфяком для сидения. Зато камин в полстены. А тут – малахитовая полка, часы, бронзовые подсвечники, фарфоровые фигурки. Шитые золотом портьеры, портреты на стенах, узорный пол. Залюбовавшись, даже о портале забыла. И о сестре. Всегда считала себя серьезной, а оказалась дрянной ветреной девчонкой. Наверное, поэтому Геральт и не убил: почувствовал гнилое сердце.

Алексия... Мы никогда не были близки. Она не дружила со мной, жила иными заботами, ее любили больше меня. Частое явление, это нормально. Но, вседержители, я не желала ей смерти! Никогда! И навсея, повернись время вспять, ле-

чить бы не стала. Вру – стала бы, и сестру так же осудила бы. Геральт живой, какой ни есть, но живой, ему больно, и я обязана помочь, клятву давала. Алексия же... Она его фактически насиловала с молчаливого одобрения родных. Геральт не мог сопротивляться, не мог отказаться от возбуждающего зелья, сестра заставила бы с помощью ошейника. Помню ведь ее взгляд.

Мерзко, все мерзко! В голову закралась крамольная мысль: не заслужила ли Алексия смерть? Я не видела того, что творилось в спальне, но темные гордые, они такого не прощают.

От самоедства посреди Малиновой гостиной (тут все в малиновых тонах) оторвало хлопанье дверей и испуганные возгласы. Заинтересовавшись, хотела выглянуть в холл, но раздумала, услышав рык Геральта: «Пошли все вон!» Что-то в его голосе не понравилось. Точно, сип! Странное сочетание: крик с хрипом, как у человека с больными легкими.

Навсей не обрадуется, застав внизу, поэтому схоронилась за занавеской, по-местному, портьерой: вдруг Геральта сюда принесет? Прошла минута другая, голоса навсея не было слышно. Шагов тоже. Осмелев, выбралась из укрытия и прокралась к лестнице. Если повезет, сумею быстро проскользнуть к себе.

Геральт лежал у подножия лестницы, неестественно скривившись. Рука с побелевшими костяшками сжимала хлыст. Конечности подрагивали, глаза закатились, изо рта капала

слюна.

Испуганно вскрикнула и прижалась к стене. Припадочный! Читала о падучей болезни, у нее такие же симптомы. Но, приглядевшись к цвету слюны, поняла, что ошиблась. Розовая! Там кровь! Вседержители, значит, внутреннее кровотечение. Конечно, дура, спина! Она изогнулась от невыносимой боли. Приглядиись, как дышит Геральт, как сведены челюсти, как вздулись почерневшие вены.

Ноги уже не дергались, зато судорога выгнула позвоночник дугой, сорвав с губ хриплый стон. Это не позерство, навсей меня не видел, просто боль оказалась настолько сильна, что разжала челюсти.

Наверное, я трижды дура, раз бросилась к нему и взглянула на цвет кожи. Синюшный, как при отравлениях, более того, специфических отравлениях. Яд разъедал тело изнутри, и человек умирал в жутких муках. Долго, очень долго – агония длилась до суток.

Так, яд попал внутрь с пищей.

Знаю, процедура жуткая, но придется потерпеть, ваше сиятельство. Какой же вы влажный, холодный и безвольный! Даже на-ре не метнулось навстречу, навсей только с трудом сфокусировал взгляд – мутный, безучастный.

Глаза слезятся, дышит неровно, поверхностно. Слуг ото-слал... Плохо! Хотел умереть в одиночестве, чтобы никто не видел его таким. И рыкнул-то из последних сил, наверняка с трудом на ногах стоял.

Пощупала пульс и поняла – медлить нельзя. Еще немного – и точка невозврата. Безусловно смерть врага – радость, но чужие страдания удовольствия никогда не приносили, особенно если противника травили свои же.

Раскрывшись, потянулась к ауре Геральта. Тот не сопротивлялся, вообще ничего не делал, я даже зацепила краешек сознания. Замечательно, если он меня пустит, попробую.

Сколько же черноты, сколько грязи, рваных ошметков!

Навсей умирал, я стояла перед ним на коленях, а он прощался с жизнью. Боль окончательно победила, сломала, раскрошив зубы. В буквальном смысле. Ничего, это поправимо, всего-то ткани нарастить.

Горло Геральта свело страшной судорогой. Я почувствовала ее даже на уровне ауры. Заторопилась, призвав на помощь все полученные знания. Как бы сейчасгодились подсказки мэтра Дорна! Одно дело, когда учитель рядом и всегда поможет, исправит, и совсем другое, когда один на один со смертью.

Яд ценин – чрезвычайно редкая вещь. В шутку его называли «циничным палачом». Судя по ауре и состоянию организма, отравили навсея ночью. Дозу дали небольшую, чтобы яд начал действовать не сразу и жертва покинула дом убийцы. Видимо, Геральт много пил: алкоголь отсрочивает кончину.

Вздохнула. Зачем его спасать? Пусть бы умер, темный ведь, тоже убийца. Нашла бы портал и... осталась бы в доме,

потому что не знаю принципа его действия. Словом, все, как в прошлый раз: «Глупая ланга!» Она спасает того, кто потом ее изнасилует.

Руки тряслись, но, закусив губу, я приступила к чистке. Делать ее полагалось ментальным огненным ножом — инструментом, доступным только магам-целителям. Он требовал точности, умения и сосредоточенности.

«Пожалуйста, помогите! — потянулась к сознанию на-всея. — Мне нужно, чтобы вы заснули и сняли внутренний щит. Клянусь жизнью, я пришла с миром!»

Пальцы уперлись в единственную преграду, отделявшую от сгустков черноты и крови. Мне не сотворить нож, не запустить пальцы в склизкую массу внутренностей, пока стоит внутренний щит. Некоторые маги его никогда не снимают, чтобы обезопасить себя от сторонних вторжений. Геральт щит убрал, и, не ожидавшая такой поспешности, я ухнула в черноту яда. Продышавшись, вытянула ладонь и сжала светящийся маленький ножик без ручки. Со стороны он напоминал бритву, только тоньше и острее. Удобно перехватила его и принялась за работу. Яд глубоко въелся в ткани, приходилось действовать ювелирно, чтобы ничего не повредить. Черные ошметки въедались в кожу рук, вызывая жжение. Но я терпела и чистила дальше.

Навсей, кажется, потерял сознание, во всяком случае, не реагировал на любые раздражители. Даже лучше.

Не знаю, сколько минуло времени, когда, измотанная, с

искусанными от боли губами, вычистила всю скверну. Теперь пришло время для целительства. Пальцы стягивали ткани, опутывали золотистым сиянием и сращивали. С темными проще: регенерация мощная, держать приходилось всего пару минут, и все, ранка затянулась.

Наконец аура. Измотанная, штопала ее из последних сил, пошатываясь от усталости. В итоге схалтурила и, вернувшись обратно в тело, рухнула на лестницу рядом с навсеем. Все же я хрупкая шестнадцатилетняя девушка, мои ресурсы ограничены. Ничего, полежу немного и доделаю. Заодно зубы подправлю.

Вздрогнула, почувствовав взгляд Геральта. Зеленые глаза смотрели уже осмысленно, внимательно так и с недоумением.

– Опять глупая ланга, да? – Устало вздохнула, смежив веки. Пусть оскорбляет, ругает – плевать. Даже если убивать начнет, не пошевелюсь. – Подставилась, раскрылась и всякое такое.

Навсей молчал, просто смотрел, а потом хрипло спросил:

– Почему?

– Что – почему? – не поняла я.

– Ты знаешь, – так же чуть слышно пояснил Геральт и попросил: – Воды!

Позвала слуг, те не отреагировали. Неужели так хозяин запугал? Пришлось самой идти на кухню, а потом поить темного, следя, чтобы не делал больших глотков.

– Спасибо.

Такого точно не ожидала, как и последовавшего после, очевидно, жеста ласки: Геральт засунул пальцы между моих, накрыв сверху ладонью. Думала, в глазах у него тоже тепло – нет, пустота. Ладно, после издевательств любая мелочь приятна. Интересно, существуют ли у темных долги чести? Я ведь ему жизнь спасла. Дважды.

Слуги боязливо сгрудились у дверей в холл и на межэтажной площадке, но подходить не решались. Звала так и эдак – ни в какую. Пришлось просить навсея отменить прошлый приказ. Тот не ответил, только шевельнул рукой. Мир вокруг закачался, поплыл, и я оказалась сидящей на полу в огромной спальне в черно-красных тонах. Выглядела она зловеще, изображения скалящихся звериных морд на столбиках кровати только усиливали чувство тревоги.

Навсей лежал у моих ног, весь в испарине. Чуть мерцало на пальце кольцо с печаткой. Понятно, местный портал. А это – спальня Геральта. Непохоже на семейный альков, скорее наоборот, казалось, будто очутилась в мрачном замке, даже камин имелся.

Пока осматривалась, Геральт немного пришел в себя и попытался сесть. Закончилось все протяжным стоном и шишкой на затылке. Ну куда ему, он же лежащий! И тяжелый: волочить к кровати пришлось мне, не на полу же бросать.

На светлую шкуру неизвестного хищника, брошенную у постели, ступила в чулках: пожалела портить. Меха оказался

на редкость приятным, мягким. Точно такая же шкура, но чуть поменьше, брошена у камина рядом с подставкой для разных странных вещей из кожи и металла.

— Не надо, я сам, — неожиданно воспротивился попыткам водрузить себя на кровать навсей. — Придержи!

На кровать, широкую, с горой подушек, на которой бы легко поместились четверо, если не пятеро, Геральт забирался долго и мучительно. Он оперся руками о раму каркаса и попытался подтянуться. Сил не хватило, но навсей не сдавался и добился-таки своего. Ноги закинула уже я, сапоги (уходя, темный переобулся) стягивала тоже я, равно как одежду. Не всю, только верхнюю. Навсей все это время не двигался, только шумно часто дышал, превратившись в податливую куклу.

Однако рано обрадовалась. Стоило наклониться, чтобы закончить работу с аурой, как Геральт повалил на себя. Губы настойчиво прошептали: «Целуй!» Ударив наглеца локтем в живот, вскочила. Немыслимо! Он при смерти о плотских удовольствиях думает?!

— Ты не поняла. — Показалось или Геральт потешался? — Мне нужна сила, иначе не взять, только через поцелуй. Тут общественного хранилища нет, придется твоей питаться.

Замялась и покраснела. Знаю об этом способе, но он опасен, темный легко мог завладеть сознанием. Хватит того, что недавно Геральт использовал в качестве передатчика. Помню, чем все закончилось. Да и не целовалась прежде с муж-

чинами, страшно и боюсь неправильно сделать. Наверное, их не так, как родителей, целовать положено. Никогда не интересовалась данным вопросом.

Вперила взгляд в покрывало. Какое оно занятное, тканное, с серебряной нитью.

– Дария, я не кусаюсь. – Точно издевается! – Я впустил в сознание и требую того же. Или все лечение насмарку.

Геральт с трудом перевернулся на бок и, нашарив подушку, подпихнул под голову. Пальцы у него белее снега. Со лба к подбородку стекали капельки пота.

Решившись, склонилась над темным и потянулась к губам. Я ожидала нескромного поцелуя, а не вышло никакого. Геральт оказался безучастен, просто разомкнул горячечные губы, чтобы слияние состоялось. Меня окутало на-ре, вошло внутрь и парализовало. Я не могла разогнуться, оторваться от губ навсея и прилегла рядом, позволяя черпать силу. Легкая слабость и головокружение свидетельствовали – процесс пошел.

Все оборвалось резко и неожиданно, отозвавшись острым приступом головной боли.

Навсей задышал ровнее, даже улыбнулся – не зло, а устало. Пальцы погладили щеку, а рука снова легла на талию.

– Лежи, – приказал он. – Не хочу рисковать до прихода врача.

То есть навсей мне доверял?! Не понимаю его логики, хотя в подобной ситуации не выбирают. Да и я доказала, что

очень плохая светлая.

В итоге лежала рядом, нервничая от тепла сползшей руки на бедре, и вслушивалась в дыхание навсея. Он, кажется, заснул. Пошевелилась, собираясь встать, – не тут-то было! Геральт недовольно заворчал и больно ущипнул. Пришлось снова положить голову на покрывало. Так я пролежала не меньше часа, в неудобной позе, между прочим. Зато видела изменения цвета кожи темного, благо ладонь по-хозяйски устроилась на бедре. Жилки исчезли, белизна тоже. Видимо, потом я тоже задремала, потому что проснулась от звука незнакомого голоса.

– ...толково сделано. Может, подарите ее, ваше сиятельство? Дар нужно развивать. Я бы даже женился, не посмотрел, что ланга.

Открыла глаза и увидела сосредоточенного пожилого мужчину, склонившегося надо мной с засученными рукавами. Взвизгнув, кубарем скатилась с кровати, вызвав нездоровый смех навсея. Он тут же закашлялся и замолк. Правильно, горло и легкие нужно беречь, там все на живой нитке держится. Снова пойдет кровь, помочь не смогу.

– Это врач, Дария, – объяснил Геральт. Голос звучал глухо и хрипло. – Он ауру смотрел, только и всего.

Только и всего?! Да это же полный доступ к человеку, его телу и душе! Потом сообразила – врача интересовало, нет ли у меня энергетического истощения. Видимо, есть, потому что при попытке встать мотнуло, больно приложив бедром

о кровать.

– Ложитесь, – суровым тоном приказал седовласый и достал из странной твердой сумки, защелкивающейся сверху на две спицы, бутылочку с жидкостью молочного цвета. – Вам еще два часа вставать нельзя. После отмерите семь капель на язык. Его сиятельству дадите двенадцать и проследите, чтобы рана в желудке не вскрылась.

То есть мне предстоит стать сиделкой? Перспектива не радовала. Видимо, прочитав все по выражению лица, врач смиловился:

– Хорошо, сам посижу. И раз все собрались, давайте выберем, что вам принимать. Осмотр нужен, ваше сиятельство?

Седовласый обернулся к навсею и надел тонкие перчатки. Зачем – пока оставалось загадкой. Геральт отрицательно покачал головой, и врач тут же снял перчатки и начал деловито перечислять методы предохранения. Их оказалось с десятков, половину слышала впервые и постеснялась бы обсуждать с мужчиной. Видя, что толку от меня никакого, седовласый продолжил диалог с навсеем, задавая тому разные вопросы. Геральт не проронил ни звука, но врач реагировал так, будто тот отвечал. Заинтересовавшись, искоса глянула на темного: тот говорил, но беззвучно, а седовласый читал по губам.

Наконец врач кивнул и обещал оставить рецепт на каминной полке.

– Пойдемте, госпожа! – Седовласый мужчина взял под локоток и вывел из спальни. – Его сиятельству необходим от-

дых.

– Это ведь яд цении? – не удержалась от профессионального вопроса и украдкой бросила взгляд через плечо.

Не только живой, но и здоровее, чем должен быть. Хотя случай с ударом Алексии – показатель высокой регенерации темных. Ранение в живот обычно смертельно, а Геральт портал выдержал, даже убить попытался.

– Он самый, – подтвердил врач. – Вы все правильно сделали. Жаль, его сиятельство вас отдать отказался. Мне бы помощница не помешала. А то, что расой не вышли, не беда ведь, – подмигнул он.

Опять превосходство навсеев над лангами! Надоело! Как надоело, что мое мнение никого не волнует.

Врач проводил до спальни. Она находилась на одном этаже с покоями Геральта, но в другом крыле.

На столе для написания писем, по-местному – секретере, поджидал сюрприз: бумага, скрепленная гербовой печатью. Взломав ее, быстро пробежала глазами документ и нахмурилась. Я держала в руках не что иное, как новые документы, в которых значилась наложницей графа Местрийского. К ним прилагалось подробное описание внешности, вплоть до размера груди.

– Поздравляю, госпожа! – защebetала незаметно вошедшая служанка, новая, молоденькая. – Можете вздохнуть спокойно, а то ходили слухи, будто вас общине отдадут.

Не понимая, о чем речь, попросила объяснить и тут же

согласилась: судьбу нужно возблагодарить. В Веосе до сих пор бытовала древняя традиция: если в плен господину попадала женщина, деревенская община могла потребовать ее для утех, то есть в качестве бесплатной проститутки. По словам горничной, как раз сегодня староста Миредена пришел с такой просьбой, прослышав о «юной красивой ланге с белыми волосами». Ключевым словом, разумеется, являлось «ланга»: нас тут презирали и ненавидели, жители из принципа желали меня унижить.

– Вы, не в обиду сказано, – оправдывала сородичей служанка, попутно готовя по моей просьбе ванную – резервуар для мытья, – столько убили, только ленивый не проклинал.

Мы тоже ненавидели навсеев. По той же причине. Обе стороны хороши!

Приняла прописанное врачом средство и погрузилась в теплую воду, смывая события дня.

* * *

Из-за двери доносились приглушенные голоса. Нет, я вовсе не собиралась подслушивать, просто проходила мимо. Даже понятия не имею, какая комната за этой дверью. Честно! Просто скучно сидеть целыми днями в спальне, поэтому и гуляла по дому, благо никто не запрещал.

По словам горничной, Геральт шел на поправку. Я не видела его со дня покушения, завтракала у себя, обедала и ужинала.

нала тоже. И комнату с порталом не нашла. Она наверняка заперта или скрыта иллюзией. Закрытых дверей в доме хватало, фактически весь второй и третий этаж, то есть личные и гостевые покои, проверять каждую – жизни не хватит.

Остановившись, прислушалась. Один голос сразу узнала. Он принадлежал навсею. Второй незнакомый, но тоже мужской.

– ...ты полагаешь, это из-за королевы? – В голосе неизвестного сквозил скепсис.

– Я полагаю, что кому-то очень мешаю, – усмехнулся Геральт. – Согласись, она не просто так здесь объявилась.

Звякнули бокалы, послышался странный глухой звук, а потом короткий звонкий, будто от удара о пол. И щелчок.

– Ирвиса уже допросили: ничего, – заскрежетал зубами навсей.

– Заклинание? – догадался собеседник.

– Именно. Ментал промыл ему мозги и вбил одну-единственную мысль: извести меня. В голове пусто, Филипп, никаких личных воспоминаний, а ведь тогда и не заметил. Правда, я был не в том состоянии, чтобы заметить, – вздохнул Геральт. – После разговора с Талией хотелось банально напиться.

– Да, у Ирвиса лучшее вино в округе, – согласно протянул Филипп. Странные звуки повторились. – Кто бы мог подумать!.. Но защитный амулет, зачем он его снял?

– Он не снимал, Филипп, – мрачно возразил Геральт. – В

том-то все и дело. И яд ценил, он бытует только при дворе. Понимаешь, к чему я клоню?

Собеседник навсей тяжело вздохнул.

Во мне боролись любопытство и приличия. Нехорошо подслушивать чужие разговоры, но беседа показалась столь занятой, что приоткрыла дверь. Теперь я видела край странного стола с бортиками, по которому гоняли палкой белые шары. Именно они при столкновении издавали те странные звуки. У стола стояли двое: Геральт в длинном свободном одеянии, похудевший, с резко обозначившимися скулами и отросшей щетиной, и второй навсей, лица которого не могла разглядеть. На этом была странная короткая куртка из легкой ткани на подкладке. Оба темных держали длинные ровные палки и гоняли шары по зеленому сукну, стремясь загнать в дырки по углам.

Сообразив, что стою лицом к Геральту, поспешила захлопнуть дверь, но поздно, навсей заметил. Помрачнел и решительно двинулся ко мне. Я, разумеется, припустила к спальне, но замерла у ближайшей двери, услышав рык:

– Дария!

Опустила голову, ожидая наказания. В его неминуемости не сомневалась. И действительно, через пару минут на плечо легла тяжелая рука, а навсей вкрадчиво поинтересовался, что я тут делаю. Предпочла промолчать.

– Подслушивала, – констатировал Геральт и прошелся ногтем по горлу. Непроизвольно сглотнула: на миг показа-

лось – это не палец, а нож. – Много интересного узнала?

– Ничего, – почти не погрешила против истины. – Речь шла о вашем отравлении, но я не знаю тех людей.

Навсей промолчал, ухватил под локоток и увел в комнату. Только сейчас поняла: на нем халат, только из бархата и надет не на голое тело, а на свободные штаны и тонкую рубашку.

– Как вы себя чувствуете? – попыталась разрядить обстановку.

– Как видишь! – хмыкнул Геральт и подтолкнул в комнату. Там, на самом пороге, придержал и шепнул, щекоча прикосновением кончиков пальцев кожу: – Не накажу.

Недоверчиво взглянула на него и заработала снисходительную улыбку. Навсей ласково погладил по щеке, а потом неожиданно ущипнул, заставив вскрикнуть.

Филипп кашлянул и поинтересовался:

– Оставить вас вдвоем? На бильярдном столе, полагаю, удобно.

– Без «полагаю». – Геральт наградил меня очень странным потемневшим взглядом, отпустил и отошел к столу с напитками. Там на жестяном подносе стояли два стакана с жидкостью цвета меда и пузатая полупустая бутылка. – Но Дария заслуживает другого. Она хорошая девочка.

Филипп удивленно поднял брови и лукаво начертил в воздухе символ из двух линий. Гость оказался импозантным мужчиной немного младше хозяина. Жгучий брюнет с раз-

ноцветными глазами: один карий, другой зеленый. Черты лица точеные, аристократические, ни за что не перепутаешь с простолюдином. Брови густые, будто мазки краски. Только подбородок подкачал, тяжеловат. Одет дорого и со вкусом и пахнет приятно. Смущенно отвела взгляд, как и положено воспитанной девушке, и, спохватившись, поздоровалась. Мне ответили легким кивком.

– Нет, – неожиданно резко ответил Геральт и залпом допил свою порцию крепкого напитка. В воздухе запахло соломом. – Потом.

– Садись! – Навсей указал на кожаный диван у стены. – В бильярд играть умеешь? Ах да, – поморщился он, – ты же ланга! Зато лицо постороннее. Она умненькая, Филипп, не только юная мордашка, расскажи ей.

Темный наклонился, примериваясь концом палки к белому шару, и резким ударом отправил его в дырку. Затем обошел стол и проделал то же самое со вторым. Заинтересовавшись, подалась вперед. Одиночных шаров больше нет, что же предпримет навсей? Насколько поняла, задача игрока забить все шары в отверстия по углам стола. Геральт перехватил взгляд и поманил. Угрозы он не излучал, поэтому смело шагнула к столу и взвизгнула, когда темный усадил на бортик рядом с собой.

– Ну, гляди и учись. Это кий, – Геральт всучил в руки палку. Она оказалась разборной, из двух разных пород деревьев. – Им забивают шары. Нужно, чтобы все оказались в

лузах. – Ага, это те самые дырки. – Пропихивать шары нельзя, пользоваться магией тоже. Когда бьешь, нужно следить, чтобы шарик не прыгал. Попробуй.

В недоумении повертела в руках кий. И что с ним делать?

– Сначала возьми мелок и почисти биток, – подсказал Филипп.

Он неожиданно оказался за спиной, смущая. Заерзав, попыталась отодвинуться, но настырный навсей повторил маневр.

– Филипп, я все вижу, – напомнил Геральт. – Если потребуется, сам объясню.

– Так и я вижу, – лукаво подмигнул брюнет. – Не трогаешь и другим не даешь. Или она беременная? Тогда прими мои поздравления.

Навсей пригрозил Филиппу кулаком. Тот звонко рассмеялся и неожиданно серьезно спросил:

– С «расскажи» ты пошутил?

– Нет, – качнул головой Геральт и натер кончик кия самым настоящим мелком, – она будет играть, ты рассказывать.

– Ты идиот? – Филипп метнул на меня ледяной взгляд, от которого захотелось забиться под стол. – Она ланга, ланга, слышишь?! Или ты влюбился и вконец потерял разум?

– Мне нужен взгляд со стороны, – отмахнулся навсей и вернул мне кий. – Любви нет, желание – да. Поэтому не язви и рассказывай.

Откровенность Геральта в который раз в этом доме зали-

ла щеки краской. Стало жарко, а тут еще взгляд Геральта. Держу пари, он мысленно раздел. Но вслух навсей ничего не сказал, даже пошлого комментария не отпустил, вместо этого подробно ровным голосом повторил правила игры и дал пару советов.

Смущаясь, встала и неловко сжала кий в руке. Как же бить-то? Да еще с какими-то винтами. Так, мне нужно попасть по краю вон того шарика, чтобы он отскочил в лузу, в специальную сетку. Во всяком случае, Геральт так сказал.

– Не бойся! – ободрил навсей.

Наклонилась и тут же получила шлепок по попе. Его смягчили складки платья на столь пикантном месте, но я все равно почувствовала. Выпрямилась и возмущенно глянула на Геральта. Тот в ответ и вовсе обнял, свободной рукой помогая прицелиться. Раз – и шарик отскочил к бортику, завертелся и таки угодил в лузу.

– Не знаю, с чего начать-то, – пожевал губы Филипп. Хмурый, он стоял по ту сторону стола и рассеянно наблюдал за моими неуклюжими попытками забить шар без чужой помощи. – Наверное, со странной смерти камердинера ее величества королевы Евгении. Он не проснулся. Все списали на больное сердце, но уж кто-кто, а Лайджер никогда не болел, как все некроманты.

Я вздрогнула. Кий вспорол сукно, а шар подпрыгнул. Геральт исправил оплошность мановением руки: положил ладонь на дыру, подержал немного, и все, целое.

– Некромантом Лайджер был фиговым, – лениво пояснил навсей и восстановил положение шаров. – Брат гораздо сильнее, поэтому и на государственной службе.

– Но они же... Как же их допустили к королеве?

Мой страх и недоумение вызвали нездоровый смех. Для Геральта он закончился приступом боли в животе. Навсей глотнул ртом воздух и вцепился в бортик стола. Филипп тут же оказался рядом, подхватил под мышки и помог сесть на диван.

– Эй, целительница, – грубо позвал он, – займись делом!

Поджав губы, не сдвинулась с места. Нет, Геральта я жалела, но прибегать по щелчку пальцев не собиралась.

Филипп повторил приказ, сверкнув разноцветными глазами. На-ре вышло из тела, но нападать пока не спешило.

– Оставь ее, все хорошо, – расстегнув ворот, пробормотал Геральт. – Она потом со мной посидит, верно, Дария?

Кивнула, понимая: отказ не принимается. Не зная, стоит ли продолжать игру, положила кий на сукно. Филипп по-прежнему буравил недружелюбным взглядом, поэтому, посчитав самым безопасным местом диван, присела рядом с навсеем. Странно, но я ему немного доверяла. Во всяком случае, он знакомый темный, да еще больной. Заодно посмотрю, как здоровье. Оказалось, гораздо лучше, только чуть-чуть ауру поправить.

– Поэтому и допустили, Дария, – видя, что Филипп не намерен продолжать, ответил на адресованный ему вопрос Ге-

ралът. – В Мире воды некроманты – грязные безумные существа, а тут – ученые, уважаемые люди, с которыми все жаждут дружить. Кто же не хочет жить вечно? Или узнать тайны почивших родственников, воскресить нужного человека, да мало ли! А королю с королевой некроманты и вовсе жизненно необходимы.

Он замолчал, устало прикрыв глаза. Помедлив, положила руку на лоб навсея и не удержалась от емкого «Нахал!», когда Геральт перехватил за талию и прижал к себе.

– Обними! – приказало чудовище.

Хотела ударить – поймал руку. Вторую тоже, еще на замахе, и издевательски расхохотался в лицо.

– Дария, я твое все. – Темный коснулся губами виска, заставив вздрогнуть и затаить дыхание. – В Веосе ты для всех ланга, и только я знаю, что ты хорошая девочка.

Геральт наигрался и отпустил. Только сейчас различила на висках капельки пота и, позабыв о гневе, продолжила лечение. На этот раз навсей не мешал, полулежал, откинувшись на подушки, и молчал, только пальцы перебирали мои пальчики. Странно, но неприязни не испытывала. Сначала смущалась, а потом перестала замечать.

– Ну так вот, – руки Геральта таки оказались на талии, – камердинер ее величества якобы умер от разрыва сердца. Прошло недели две, и скоропостижно скончалась фрейлина. Причем та, которая сто лет при дворе не жила, тайн не знала. Милая старушенция.

Губы темного нервировали. Едва касаясь, они скользили по шее, а потом запечатлели легкий поцелуй за ухом. Думала, навсей успокоится – нет, занялся тем же самым с другой стороны.

Филипп сощурился и пристроился рядом, на самом краешке дивана. Моя нога касалась его ноги. Казалось бы, мелочь, а меня будто молнии били. Пришлось отодвинуться и фактически обнять Геральта, но от Филиппа не спаслась. Пальцы брюнета скользнули под юбки и прошлись по чулку. «Какая у нее ножка!» – мечтательно протянул Филипп, эту самую ножку поглаживая и постепенно, дюйм за дюймом поднимая подол, пока не обнажил подвязки. Как замороженная, наблюдала за ним. Отрезвил только нескромный поцелуй в открытую полоску кожи между чулком и поясом.

Удар вышел отменным. Филипп зашипел и вскочил. Кажется, я выбила брюнету зуб, иначе почему он так ругался, прижимая руку ко рту? Геральт же хохотал. Теперь его объятия казались спасением от бед, и я поспешила в них укрыться, спасаясь от стремительно темневшего в лице Филиппа. На-ре уже вышло из владельца, хотя еще и не потеряло связи с телом. Лишь бы не раскрыться, иначе все, конец, лишь бы Геральт не отдал на растерзание другу!

– Она хорошая девочка, не шлюшка. – Губы навсея вновь коснулись шеи, а потом... Вседержители, языком! Лизнул, прошелся от основания уха до мочки. От стыда на миг перехватило дыхание. – Ее никто никогда не гладил, а ты уже

ласкать собрался. Естественно, Дария испугалась, ты получил по заслугам. Учти, – в голосе Геральта прорезался металл, – причинишь ей вред – пожалеешь.

Филипп осклабился, вскинул руки и шагнул ко мне. Зажмурилась, полагая, навсей ударит, а он попросил прощения и поцеловал безвольно упавшую руку.

– Я не знал, Геральт, думал, раз ланга... Официальной наложницей взял?

Темный кивнул и отпустил. Я благополучно перебралась на другой край дивана, подальше от поцелуев. Не то чтобы мне не нравилось, просто непристойно. Украдкой потрогала шею и ухо: не влажные ли? Навсей же лизал.

Прикосновения губ понравились. Ох, неужели я подцепила от темных какую-то заразу? Порядочной девушке должно быть противно, мерзко, мне же только чуть страшно и щекотно.

– Дальше тоже сам расскажешь или я? – Филипп небрежно облокотился о бильярдный стол и, перехватив испуганный взгляд, подмигнул. – Смелее, Дария, я добрый. Но ножки у тебя!.. Смотри, местным девочкам не показывай, задушат из зависти.

Геральт кивнул, и его приятель вернулся к обязанностям рассказчика:

– После смерти фрейлины королева начала часто болеть. Врачи только разводили руками – ничего, чисто.

– Я все понимаю... – замялась, не зная, как назвать на-

всего. Господин, ваше сиятельство, милорд? В итоге решила обойтись без обращения. – Но почему вы рассказываете все это мне? И, – смутилась, – как мне к вам обращаться? Не по имени же.

– Хм, хороший вопрос! – Геральт почесал подбородок и встал. Двигался он на редкость легко и плавно для человека, который недавно страдал от боли. – Существуют несколько вариантов, каждый предполагает разное отношение. Начнем с нейтрального: милорд. Милостью не зови, это для официальных приемов. И, – в глазах запрыгали искорки, – ты ведь выведала полный титул, верно?

Кивнула. Значит, доложили.

– У меня дух в холле живет, он рассказал. Ну, пойдем доиграем партию. – Навсей поднял кий и с улыбкой поманил к столу. – Мы с тобой против Филиппа.

– Боюсь, я не умею играть, милорд...

Идти и позориться не хотелось. Правила игры уяснила смутно, хотя больше страшило другое: новые поглаживания и объятия Геральта. Близость навсея волновала и жутко смущала. У нас мужчина не смел вот так обнимать, целовать, а он делал все запросто, будто просто руку подавал.

– Тогда дуэль на киях! – хлопнул в ладони развеселившийся Филипп. – Дама дарит поцелуй победителю.

– Только если победитель объяснит, зачем меня посвящают в веосские тайны.

Вот откуда во мне столько храбрости? Но иначе никак,

приходится мириться с правилами игры. Поцелуй – не такая уж большая плата за нужные сведения.

Мужчины переглянулись и согласно кивнули. Это походило на заговор. Ничего, есть средство заставить сказать правду. Шагнув к Геральту, я попросила нож. Тот иронично поинтересовался:

– Неужели задумала прирезать?

Объяснила, что хочу взять с них клятву на крови. Для нее оба темных должны по очереди порезать ладонь и пообещать сказать правду.

– Ради такой мелочи? – Брови Геральта взлетели вверх.

Навсей тут же стал серьезным, взял за руку и, глядя в глаза, наставительно произнес:

– Никогда не клянись по мелочам и не требуй того же от других. Ты малая хозяйка дома, в тебе часть меня, поэтому ты сидишь здесь и слушаешь. Кроме того, ты выросла в другом мире, мыслишь иначе, можешь нечаянно дать дельный совет Филиппу.

– А он кто? – Боязливо покосилась на невозмутимо чистившего кий брюнета. – И какая такая часть?

– Похищение, лестница, лечение, – терпеливо напомнил навсей. – Я впустил тебя в сознание, но забрал частичку души взамен на свою. Мы связаны, Дария, тоненькой ниточкой, но связаны. Ты плохо читала учебники, раз не знаешь об особенностях призыва умирающих и ритуале обмена силой. За это всегда платят собой. Я взял немного, твою личность

темное пятнышко никак не изменит.

Ноги подогнулись. Если бы не вовремя подхвативший Геральт, упала бы, так же обмякла в его руках, силясь понять, как меня угораздило. Темные коварны, а я беспечно принимала их за обычных людей. И вот теперь Геральт получил власть над душой. Он установил привязку, сделал мое сознание доступным на-ре! То есть навсей может в любой момент превратить меня в марионетку, и никакой щит не спасет. Но самое печальное – я не помню момента установления связи. Вчера, позавчера, а то и вовсе в спальне Алексии. Почему, почему я ничего не почувствовала? Или та страшная головная боль и есть спутница привязки?

Застонав, замолотила кулачками по груди Геральта, повторяя: «Ненавижу!» Истерика овладела разумом, я все кричала, плакала, силилась причинить омерзительному темно-му хоть какой-то вред. Знала бы, бросила умирать на лестнице. Вот почему он впустил в сознание – отвлекающий маневр. Я полностью раскрылась, ушла из тела, а на-ре Геральта проникло внутрь. Теперь осталось вернуть меня в Мир воды, в отцовский дом, активировать связь и приказать убить отца и дядю. И все, светлые в Вердейле обезглавлены, важнейшая крепость взята. Дальше – больше. Понятия не имею, кого еще он прикажет убить, что сделать и украсть. Глупая ланга, глупая ланга, все навсеи – ублюдки!

Устав слушать оскорбления и терпеть удары, Геральт заломил руки за спину и крепко прижал к бильярдному столу,

не давая пошевелиться. Глаза потемнели, из зеленых стали почти синими. Если бы не корсет, на теле наверняка бы остались синяки от бортика.

– Никогда, – свистящим шепотом произнес навсей, склонившись к самому лицу, фактически выдохнув в нос, – не оскорбляй меня и не поднимай руку. Только для защиты, Дария, и только в шутку.

Пискнула, когда темный вдавил в стол так, что выбил воздух из легких.

– Эй, полегче! – забеспокоился Филипп. Отложив кий, он поспешил на выручку. – У нее не железные кости. Отпусти бедняжку, она уже покраснела от удушья.

Геральт мгновенно отступил, и я жадно глотнула воздуха.

– Ты все поняла, верно? – подмигнул навсей и неожиданно поцеловал руку. – Не терплю подобного даже от навсеек, прости.

Он погладил запястье и пригласил сыграть в бильярд просто так. Отказаться не могла, покорно приняла из рук Филиппа кий и, не целясь, ударила по шару. Брюнет пожурил и показал, как надо бить. Разумеется, все прослушала, кожей чувствуя каждое движение Геральта, пусть даже мимолетное. Сердце замирало от одной мысли, что он может за просто вселиться в меня. Моя душа слаба, проиграет бой.

Филипп собрал шары и водрузил их в деревянный треугольник на противоположном краю стола. Невольно мелкими шажками перебралась ближе к брюнету. Тот лукаво при-

щурился и предложил посмотреть, как разобьет шары. От Филиппа пахло жимолостью и древесной корой. А еще у него были ловкие руки с длинными пальцами. На одном поблескивал перстень с фамильным гербом-печаткой. Заинтересовавшись, вытянула шею, чтобы лучше рассмотреть.

– Это герб рода Соурен, – пояснил Филипп, чуть подсветив перстень магическим сиянием. – А я главный наследник.

– Отец Филиппа – герцог, – пояснил Геральт. – То есть Филипп – маркиз. Осторожнее, Дария, в бильярд он играет столь же искусно, как девичьими сердцами.

Зачем предупреждать, если для меня заведомо невозможны отношения ни с кем, кроме хозяина дома? Женатого, между прочим! Снова искоса глянула на пальцы Филиппа, оббившие кий, – обручального кольца нет.

– Нравлюсь? – распушил перья навсей. – Подаришь поцелуй, если обыграю Геральта? Поверь, – от улыбки зашлось сердце, – целоваться умею.

Кажется, я покраснела до корней волос. Не стоило так смотреть, вот навсей и принял обычный интерес за любопытство определенного свойства.

Филипп коснулся меня и, дразня, прошелся пальцами от нижней фаланги указательного пальца до запястья. Трижды отдергивала руку, и он трижды ее ловил.

– Так что ты думаешь обо всем этом, Дария? – прервал странную игру Геральт.

Думала, рассердится – нет, хранил поразительное спокой-

ствие, даже соби́рался гонять шары.

– Ну, – задумалась, лихорадочно припоминая, что именно мне рассказали, – все смерти связаны. Эти люди мешали убийце подобраться к королеве.

– Либо наша королева – отличная притворщица, – то ли шутя, то ли всерьез предполагал Геральт. – Хотя травят ее, пожалуй, тем же, чем пытались убить меня. И, кажется, я знаю почему.

– Письма? – нахмурился Филипп. Оставалось только гадать, какие именно письма, но, несомненно, важные, раз брюнет пораженно, чуть ли не с ужасом добавил: – Неужели она отдала их тебе?!

Навсей кисло улыбнулся, извлек из кармана халата монетку и подбросил. Как замороженная, смотрела за полетом блестящего кругляшка. Тот упал на зеленое сукно мужским профилем вверх.

– Я разбиваю, – довольно ткнул пальцем в монету Геральт и размял кисть.

Филипп продолжал почесывать подбородок. Кажется, он не одобрял беззаботности друга и, не выдержав, высказался.

– Геральт, какая к... – Он кашлянул и покосился на меня. – В общем, к собачьему хвосту партия, когда тут такое! Сначала объявляется Талия, потом тебя травят. Если бы не маленькая ланга с пухлыми губками, тебя бы уже торжественно сожгли, а пепел развеяли. Какой после этого бильярд?!

– Самый обыкновенный. – Геральт изогнулся, гибко, будто дикий зверь, и разбил шары. Они разлетелись в разные стороны, а два, подергавшись, упали в лузы. – Талия – приманка, не более. Ищи рыбку покрупнее. Не беспокойся, – новый удар и новый шар попал в цель, – письма в надежном тайнике. Мою печать не взломать, я маг первого порядка.

– То есть ты позволишь той твари просто так уехать? – взорвался Филипп. – Она же твоего отца обворовала!

– Это не доказано, хотя не спорю, я никогда не доверял Талии. Арх, промазал!

Геральт в досаде ударил кием по столу и наградил непокорившийся шар испепеляющим взглядом. Затем навсей уступил место Филиппу, устроившись рядом со мной посередине длинного бортика.

– Талия – воспитанница отца, – пояснил Геральт, следя за действиями друга. Тот тоже двигался легко и плавно, будто перетекая из одного положения тела в другое. – Наша семья рассталась с ней при весьма неприятных обстоятельствах. Слушай и запоминай, Дария, ты теперь часть семьи.

Пришло мое время удивляться. Простите, я кто? Разве наложницы не рабыни?

– Мы связаны, я же говорил, – напомнил Геральт и нехорошо, злодейски рассмеялся. – И привязку ты не разорвешь никогда.

Вместе со стуком очередного забитого шара слышался стук в дверь.

Навсей обернулся и махнул рукой, снимая невидимые запоры. В комнату вошел ливрейный слуга и с поклоном доложил:

– К вам госпожа Талия Свейн. Прикажете принять?

Глава 4

Губы Геральта превратились в тоненькую линию и побелели, будто у покойника. Пальцы впились в бортик стола, грозя раскрошить дерево. Я невольно порадовалась, что навсей отложил кий на чайный столик, а то бы непременно сломал, жалко.

Филипп тоже забыл об игре и буравил взглядом друга. Судя по выражению лица, его крайне интересовало, какое решение примет навсей.

– Так впустить? – напомнил о себе слуга.

– Пошел вон! – рявкнул Геральт и вскинул руку.

Стаканы задрожали, волосы разметало ветром, а лакея буквально выдуло в коридор. Бедняга, кажется, пробил спиной дверь. Надеюсь, остался жив.

Страшно, действительно страшно. Вот она, темная магия в действии! До этого я не видела навсея в ярости и теперь наслаждалась сомнительным зрелищем. Под кожей Геральта ходили желваки, глаза горели, придавая сходство с крылатым змеем: у того такие же зеленые, с узким зрачком. Наре тоже оживилось, темным облачком окутало хозяина. Назревала буря, и мне хотелось оказаться как можно дальше от эпицентра. Только куда уйти? В надежде обвела взглядом комнату и не нашла ничего лучше, чем спрятаться за спиной Филиппа. Тот одарил понимающей лукавой улыбкой и

обнял. Раньше бы такой жест возмутил, но теперь я боялась лишний раз вздохнуть: вдруг Филипп озвереет?

Геральт, наконец, разжал пальцы и задумчиво оглядел перстень. Я заметила, как странно, неестественно вздымается грудь навсея. Неужели навредил себе магией? Будто в подтверждение догадки кольнуло в боку. Решила – показалось, но боль повторилась. Неужели между нами отныне близнецовая связь? Поэтому и своя...

Навсей тяжело облокотился о стол и сделал пару глубоких вздохов. Филипп легонько подтолкнул к другу, и я несмело сделала шаг. Перед глазами все еще стояло перекошенное яростью лицо.

Неужели Талия действительно отравила Геральта? Тогда почему она до сих пор на свободе? У нас за такое казнят.

– Дария, – голос Геральта звучал глухо, будто из колодца, – подойди.

Я сделала еще один робкий шаг, потом еще и еще и, наконец, понурившись, замерла перед навсеем. Тот протянул руку и коснулся пальцами щеки. От них по коже разошелся холодок, будто сотни иголочек кололи. Затем последовали поцелуй и знакомый процесс отъема силы. Только на этот раз он закончился раньше, чем Геральт оторвался от губ. Бесстыжий язык проник в рот и прошелся по зубам. Я попыталась выдворить незваного гостя, но тот сплелся с моим языком, будто нарочно дразня.

– Там Талия, – торопя, напомнил Филипп.

– Помню! – недовольно буркнул навсей, с неохотой оборвав поцелуй. – Видишь, девочку учу. Она же совсем наивная в свои шестнадцать. Чему только ланги дочерей учат?! С мальчиками-то целовалась?

Вопрос предназначался мне, и я ответила, в красках расписав, что только беспутные девицы позволяют себе подобное, а поцелуи навсея и вовсе гордятся для борделя. Геральт расхохотался и пообещал изменить мое мнение.

Посоветовавшись, мужчины решили принять Талию.

– Просканируешь ее, – попросил друга Геральт. – Не просто так тварь вновь появилась в Веосе, она никому не приносила добра.

Филипп кивнул и первым шагнул к двери. Глазам не поверила, когда темный вдруг превратился в смазанную тень и дымком выплыл в коридор. Такого никто не рассказывал, зато теперь понимаю, почему навсеев предпочитали убивать: слишком опасны.

– Впечатляет? – Рука Геральта крепко сжала мою. – Хорошо запомни, мало ли? – вкрадчиво шепнул он в самое ухо. – А теперь пойдем, изобразишь хозяйку. Заодно поучишься вести себя на людях. Наложница – это не только постель, Дария. Разумеется, – уточнил навсей, – если этого хочет мужчина. А я хочу.

Изумленно подняла на него глаза. Ничего не понимаю. Зачем душа, когда нужно только тело? Но навсей ничего объяснять не стал.

Под руку с Геральтом спустилась вниз. Ноги дрожали, очень хотелось выпить. Нет, я не любительница крепких напитков, выпиваю только по праздникам пару глотков, но как всякий лекарь признаю пользу красного вина в лечении нервов. Вот зачем тащить меня в холл? Для устрашения? Чтобы выставить на посмешище, прикрыться живым щитом? Иско-са глянула на Геральта. Напряжен и предельно собран. Пальцы подозрительно сжаты, а рука... Что там у него под халатом, кинжал? Да нет, я бы заметила, оружие не спрячешь. Значит, просто инстинктивный жест. Например, дядя, когда волнуется, сжимает воздух, будто любимый меч держит.

– Можно я пойду? – сдавленно попросила навсея.

– Нет, – категорично возразил он. – Ты малая хозяйка.

– Я никто! Вы даже фамилии своей говорить не хотели.

Геральт остановился и с прищуром заглянул в глаза. Полагала, он скажет какую-то гадость, но нет, промолчал и повел дальше. Пальцы железной хваткой вцепились в запястье.

– Зачем разыгрывать пьесу, милорд? – Отчаянно пыталась вырваться, но, увы, легче лишиться руки.

– Запереть в комнате? – Навсей взлохматил волосы и покачал головой. Одна из прядей упала на лоб. – Нет, погляди на представление. Потом скажешь, какое впечатление произвела Талия. Мы могли что-то проглядеть, а ты заметишь.

– Я ваш враг, – напомнила забывшемуся навсею.

Геральт от души хохотал. Лицо его на миг просветлело.

– Ты не способна ненавидеть, Дария. И закончим беспо-

лезный разговор.

Пальцы навсея сжали подбородок – ласково, не с силой. Подушечка большого пальца погладила нижнюю губу.

– Нет, если хочешь, я запру, как изначально собирался. Выбирай.

Геральт отпустил, и я с облегчением перевела дух.

Почему, почему боюсь его, но не ненавижу? И отчего прикосновения вызывают оторопь и смущение, а не брезгливость? И Филипп, зачем врезался в память его профиль? Не иначе любовная магия. Прислушалась к себе, пытаюсь отыскать тревожные симптомы. Уфф, кажется, ни жжения в горле, ни заходящегося сердца, ни сухости кожи.

В холле оказалось пустынно. Слуги попрятались, а Филипп будто растворился. Страшно! Не хотелось бы, чтобы темный оказался за спиной. Повертев головой, заметила едва различимое облачко в углу.

– Дух, – коротко отрекомендовал навсей.

– А ваш друг?

Беспокойство только усиливалось. Отпусти Геральт руку, сбежала бы и добровольно заперлась в спальне: настолько душлимая атмосфера царила в холле. Вот зачем отказалась, когда предлагали? Теперь же язык прилип к небу. Страх стал осязаемым, давил на плечи, заставлял судорожно глотать воздух.

– Маленькая ланга волнуется? – промурлыкал лукавый голос за плечом.

Обернувшись, увидела нагло улыбавшегося Филиппа. Ни горящих огнем бездны глаз, ни расплывчатых контуров – обычный человек. Может, привиделось?

В дверь между тем требовательно позвонили. Усиленный магией, колокольчик дребезжал на весь дом.

Из комнаты робко выглянул мужчина. Геральт зыркнул на него, и лакей тут же исчез.

– Дух! – Геральт прищелкнул пальцами.

– Слушаюсссь, – прошипел шелестящий голос, и замеченное ранее облачко неспешно поплыло к двери.

Теперь я видела, это кругленький толстячок. На вид добродушный, но кто знает?

– А имя у него есть? – Во мне проснулось любопытство.

Не каждый день встречаешь призраков. У нас они совсем другие: тоскующие, одинокие, пугливые и злобные. Домашний дух Геральта казался другим. И он ручной, хотя всем известно, призрака приручить невозможно, только заманить в ловушку.

– Нет, – отмахнулся навсей. Судя по всему, его мысли занимала Талия, а я раздражала. – Помолчи и держись позади нас. Ты без магии, поэтому беззащитна. А ланги слишком много мне задолжали, – лицо Геральта искривила злая усмешка, – чтобы я позволил тебе умереть.

От этих слов стало не по себе. Лучше бы пообещал убить!

Вырвав руку, покусывая губы, попятилась к лестнице. Должен же найтись выход из проклятого дома! В окно вы-

прыгну, но сбегу! Потому что усмешка Геральта и его последняя фраза обещали гораздо худшее, нежели участь наложницы. Он собирался мстить. Мстить мне за всех светлых, а фантазия у навсеев слишком богатая, чтобы ограничиться обычной болью.

– Ну, и куда собралась?

Вездесущий Филипп и его улыбка. Только теперь это оскал, а сам он похож на волка. На-ре клубится, готовое парализовать меня. Вседержители, вот почему я родилась без магии стихий? У всех в нашем роду она есть, только я беззащитна. Пусть отец с матерью и твердили, будто дар врачевания гораздо дороже, на деле все не так. Уважают воинов, они способны защитить себя, а я... Я даже врага пожалела.

Давя слезы страха и обиды, увернулась из цепких рук и взбежала по ступенькам. Увы, навсеи магией владели прекрасно. Геральт уже демонстрировал умения телепортации и легко проделал похожее снова. Наверху он, внизу Филипп, а я загнанная в ловушку мечущаяся птичка.

– Дария! – Геральт протянул руку ладонью вверх – знак добрых намерений.

Мотнула головой и прижалась к перилам. Тут не так уж высоко, если спрыгнуть, отделаюсь ушибами и, может, сумею сбежать. Есть же в этом доме черный ход?

– Дария, – с напором повторил навсей и показал вторую руку. – Разве я бил тебя, чтобы бояться?

– Вы обещали боль и подарили унижения, – возразила я.

Отчаяние захлестнуло удушливой волной. Навсеи наступали, если прыгать, то прямо теперь, только как перекинуть ногу через перила? Увы, фасон платья сковывал движения. Оно узкое в бедрах и со смещенным центром тяжести.

– Дария! – В голосе Геральта слышался укор.

Не знаю, чем бы все закончилось, если бы не появление Талии. Ее каблучки громко цокали по полу, а голос обволакивал, даже я замерла, заслушалась.

– Так-то меня встречает родной брат! – весело прощепетала она, беззлобно жуя. – Совсем зазнался, Геральт! Даже посыльным открывают слуги, а не духи, и их не заставляют часами ждать под дверью.

Обернувшись, увидела ослепительную брюнетку в нежно-голубом наряде. Присборенная юбка волнами ниспадала на пол, а сзади, на самой попе, красовался пышный бант – будто розочка на торте из складок. Завитые мягкими волнами волосы оттеняли безупречную белизну кожи. На глаза падала легкая вуаль затейливой шляпки в тон платью. Талия показалась верхом совершенства, даже разные глаза: один зеленый, другой болотный, ближе к желтому – не испортили впечатления.

Хоть и помнила – Талия воспитанница, а не дочь отца Геральта, невольно поискала сходство между родственниками и нашла. Едва заметное, оно прослеживалось в чертах лица и движениях. Может, и глаза – наследство рода Свейн? Талия могла оказаться незаконнорожденной дочерью кого-то

из близких графа. Или не графа. Филипп – маркиз, наследник герцога, а Свейн-старший тогда кто, если его сын граф? Не сильна я в титулах: у нас только магические, а в землях людей не бывала.

– Ты прекрасно знаешь, я тебе не брат и тем более не родной, – мрачно ответил Геральт. – Лучше объясни, зачем явилась.

Навсей обхватил за талию и потащил вниз, к улыбающейся Талии. Та удивленно вскинула брови и протянула:

– Вот это да! Его величество бы с руками оторвал. Где взял, братец?

– Там, где ты вскоре окажешься, – огрызнулся Геральт. Рука еще крепче прижала к себе, будто навсей опасался за мою жизнь. – Приехала взглянуть, как я лежу в гробу? А вот не случилось, просчиталась, стерва, пришло мое время глумиться.

Талия вздрогнула, почувствовав за спиной чужое присутствие. Филипп переместился туда знакомым темным облачком. Но я напрасно переживала за навсейку, она оказалась не так проста. Полыхнул алым камень в кольцо, и вот уже вместо улыбающейся брюнетки стояла объятая черным пламенем магесса в кожаных доспехах. Они прикрывали только самое необходимое, не оставляя простора для фантазии.

Филипп превратился в бесполого духа с разящим мечом в руках. Он все рос и рос, пока не занял четверть немаленького холла. Оставалось только гадать, каков второй облик Ге-

ральта.

– Никогда еще не видела магического боя? – шепнул навсей, наслаждаясь зрелищем. – Не переживай, Филипп за пару минут с ней расправится. У нее одна стихия, у него четыре. Есть разница, верно?

Кивнула, как замороженная, наблюдая за страшным танцем.

Сначала противники двигались по кругу. Два шага, остановка. Легкий поворот, шажок. Затем Талия свела на груди ладони и, присев, сделала «змейку», будто действительно танцевала. Выглядела она чрезвычайно соблазнительно, даже чуть покачивала бедрами. Но красота оказалась обманчива: с ладоней Талии с воем взлетел огненный смерч и закрутил Филиппа. Вскрикнула и уткнулась в грудь Геральта. Он же, вот ненормальный, хохотал, будто там не убивали его друга.

– Гляди, гляди! – Навсей сжал плечо. Глаза горели воодушевлением и охотничьим азартом. – Какое зрелище, а, Дария?

Я не желала смотреть, но пришлось.

Талия отчего-то оказалась на полу. Перекатываясь, она огненными «плевками» отбивалась от маленького смерча. Глупо, по-моему. Филипп, живой и невредимый, попутно пытался достать Талию мечом.

– Вам нравится? – не скрывая отвращения, спросила я.

Сознание мгновенно превратило руки Геральта в липкие

щупальца. И они трогали меня... Фи, противно!

– А тебе нет? – с усмешкой ответил навсей. – Двое темных убивают друг друга – мечта любой ланги.

Вспомнилась Алексия и ее игры с огнем. В мозг закрался очередной червячок сомнения: если навсеи так сильны, почему Геральт сдался? И в очередной раз пришла к мысли: Алексия угодила в ловушку. Темные никогда не просят пощады.

Сцепив зубы, заставила себя вновь взглянуть на дерущихся.

Изогнувшись, Талия пыталась ногами отбить выпады Филиппа. Руки же без устали творили огонь во всех возможных облициях, чтобы не оказаться в желудке неизвестно откуда взявшегося земляного монстра. Показалось, или спина чудовища, отдаленно напоминавшего гигантского медведя, поросла травой, а вместо носа – глиняный горшок? Страшная глотка щерилась тьмой, полыхали алым глаза, тянулись к Талии щупальца-лианы, проросшие из тела. Та не сдавалась и раз за разом испепеляла их странным черным пламенем.

– Как, Дария, оставить ее в живых? – Дыхание Геральта щекотало ухо. – Она меня отравила.

– Да не травила я! – рыкнула Талия и, сделав немыслимый пируэт, оказалась на время вне досягаемости меча и земляной твари. – Я бы заколола, так надежнее. С превеликим удовольствием, братец, медленно, намотав кишки на рукоять.

– А совсем недавно так стелилась! Мол, раскаялась, про-

стите. Нет, Талия, яд дала именно ты, а Ирвис лишь подсыпал.

Геральт оттолкнул меня и шагнул к дерущимся. На-ре отделилось от тела и встало рядом, словно брат-близнец. Я ожидала, навсей тоже изменит форму, станет каким-нибудь драконом, но он только вскинул руки, сменив домашний наряд на привычную одежду мужчин Мира воды. В руке оказался посох. Приглядевшись, поняла, тот вполне заменит меч: с нижнего торца тот блестел острой сталью.

– Поиграем, Талия? – промурлыкал Геральт. – Или погодим? Ты знаешь, игры у меня жестокие, я всегда убиваю. Всегда, Дария. – Неожиданно повысив голос, он обернулся ко мне: – И, умирая, забираю с собой. Твоя сестра дура. Ланга!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.